

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

СПАРТАК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Спартак

Андрей Валентинов

Спартак

«Автор»

2002

Валентинов А.

Спартак / А. Валентинов — «Автор», 2002 — (Спартак)

Если ты не хочешь погибнуть на окровавленном песке арены, потешая зрителей, если Свобода для тебя – не просто слово, если ты уже и так мертвый, если... Имя Спартака известно каждому, но за именем прячется тайна. Спартаком греки звали одну знаменитую собаку, разорвавшую хозяина. Люди и боги, надменные римляне и бесстрашные гладиаторы, демоны, выпущенные из преисподней, проклятие, чуть не погубившее Рим, – все это сплелось кровавым клубком войны. А если бы Спартак победил?!

Содержание

Кто ты, Спартак?	5
Действующие лица	7
Часть первая.	8
1. О том, как я обиделся на Карла Маркса	8
2. Спартак – великий полководец?	10
3. Ганнибал-победитель.	13
4. Спартак – освободитель рабов?	16
5. Странные фракийцы, странные галлы, странные германцы.	20
6. Очень странные гладиаторы.	24
7. И еще три загадки.	30
8. Марк Красс или Неблагодарное Отечество.	36
9. Цезарь, Спартак и Красс.	41
10. Предварительные итоги или Отечество Многоспасаемое.	46
Часть вторая	50
11. Про генеральские цифры.	50
12. Зловещие мертвецы.	54
13. Школа, милая школа.	58
14. Личный состав.	61
15. «На той войне незнаменитой...»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Андрей Валентинов

Спартак

Моим читателям – всем, кто любит Историю, кто желает разгадать ее тайны, посвящается.

*Пусть скажут мне, какой помог им бог из состояния маленькой и презренной шайки перейти в состояние государства, которого пришлось страшиться римлянам со столькими их войсками и крепостями? Уж не скажут ли мне, что они не пользовались помощью Свыше? Если же благодеяния должны быть приписаны помощи богов, то немалую помощь оказали они тем гладиаторам, которые свергли с себя оковы рабства. Одержавши множество побед, они предавались удовольствиям, делали, что внушала похоть, и жили подобно царям.
Блаженный Августин. «О граде Божьем».*

Кто ты, Спартак?

Ты погиб почти двадцать один век назад, мой Спартак. Двадцать один век, даже подумать страшно! Что устоит перед косою Кроноса, не сотрется в хрустальных жерновах Времени, не исчезнет навеки? Но ты не забыт, Спартак! Тебя помнят, твое имя повторяют, о тебе до сих пор спорят...

Из материалов дискуссии на сайте «Русская фантастика».

- Героизм Спартака, воспетый в советское время – блеф!
- Даже имя «Спартак» ни о чем не говорит. Это просто кличка, которую обычно давали по манере вести бой или по иным критериям.
- Упоминания о Спартаке есть, но исключительно в мемуарах победившего противника. Трудность не в том, что нет информации, трудность в ее субъективности.
- А не было ли каких других источников? Скажем, тех же еврейских, египетских, персидских?
- А откуда бы они взялись? Хотя... Были же киликийские пираты!
- Но что нам еще остается делать? Ведь победители имели возможность написать историю Спартака по-своему.
- Однако даже противники утверждают, что он был «вполне достойным полководцем», хотя могли бы обозвать «гнусным гладиатором». Для реконструкции недостаточно, но один вывод уже можно сделать – хороший человек был, в смысле – положительный персонаж.

- А так ли уж высока вероятность того, что восставший раб будет иметь положительные «личностные качества»? Мягко говоря, не очень. А вот наоборот – это запросто.
- Эти качества мы будем оценивать с позиции раба, с позиции рабовладельца или по какой-либо абсолютной шкале?
- Рабу по рождению присуща своеобразная социальная импотенция – он умеет быть только рабом и ничем кроме раба, а его сокровеннейшее желание – оказаться по ту сторону рабовладельческого кнута и самому помыкать рабами. Не самый приятный тип, не правда ли?
- Мне кажется, называть Спартака «восставшим рабом» не совсем корректно, «восставший военнопленный гладиатор» будет точнее, ибо, насколько я помню статус Спартака никогда не был именно рабским.

– Да, это многое меняет, поелику человек исходно свободный и потому к свободе своей стремящейся не страдает многими недостатками, восставшим рабам присущими.

– А почему он не ушел за Альпы? Армия решила остаться, пограбить Италию? Но если он, как пишет Аппиан, действительно знал о пагубности этого решения, почему он не мог настоять на своем?

– А если бы Спартак победил?

– Не победил бы. Для победы требуется знать, за что сражаешься.

– А что, Спартак не знал? Тогда для чего он начинал войну?

– Да кто он вообще был?

Да, о тебе спорят, мой Спартак, тебя пытаются понять, разглядеть твою смутную тень сквозь чудовищную толщу прошедших лет. Это трудно, очень трудно, но все же возможно. Поэтому я и решил написать книгу. Она получилась неожиданной, даже странной, но я не жалею и не стану оправдываться. Это не роман, а точнее, это – **НЕНАПИСАННЫЙ** роман. Поэтому будет повод вернуться, может, даже скоро, чтобы вновь прикоснуться к Тайне Спартака. Тогда роман наконец-то будет написан и завершен. Пока же договоримся, дорогой читатель, что перед вами **ПЕРВАЯ ЧАСТЬ** грядущей книги. Я сделал, что мог, кто может – пусть сделает лучше. Dixi!

Действующие лица

Спартак, его друзья и родственники:

Спартак.

Фракиянка-жрица – его жена.

Спартак – его потомок.

Крикс, Эномай, Ганник, Каст, Публипор – командиры спартаковской армии.

Римляне:

Гай Марий, Луций Корнелий Сулла – римские полководцы, вечные враги, военные диктаторы.

Гней Помпей Великий (Магн), Марк Лициний Красс, Гай Юлий Цезарь – римские полководцы, воевали со Спартаком, в будущем участники Первого Триумvirата.

Клавдий Пульхр Глабр, Публий Вариний – римские полководцы, преторы, разбиты Спартаком в 73 году до Р.Х.

Корнелий Лентул, Геллий Попликола – консулы 72 года до Р.Х., разбиты Спартаком, отстранены от командования.

Марк Туллий Цицерон – римский юрист, оратор, во время восстания Спартака жил на Сицилии.

Марк Лициний Лукулл, Луций Лициний Лукул – братья, выдающиеся римские полководцы.

Луций Сергий Катилина – современник Спартака, авантюрист.

Гней Лентул Батиат – ланиста, хозяин гладиаторской школы в Капуе.

Гай Октавий, он же Гай Юлий Цезарь Август – приемный сын Цезаря, император.

Враги Рима:

Митридат – царь Понта, во время восстания Спартака воевал с Луцием Лицинием Лукуллом.

Серторий – римлянин, изгнанник, во время восстания Спартака воевал в Испании с Помпеем.

Ганнибал – карфагенский полководец, жил за полтора века до Спартака.

Югурта – царь Нумидии, жил за полвека до Спартака.

Древние и современные авторы:

Саллюстий, Тит Ливий, Веллей Патеркул – римские историки, жили в I веке до Р.Х. и в I веке от Р.Х.

Фронтин, Фронтон, Тацит – римские историки, жили в конце I – в первой половине II века от Р.Х.

Плутарх – греческий биограф II века от Р.Х.

Аппиан, Орозий, Флор, Блаженный Августин, Синезий, Клавдиан – поздние римские авторы.

Карл Маркс.

Моммзен – великий немецкий историк XIX века.

Мишулин – советский историк, специалист по Спартаку.

Часть первая. Великолепный парень или Оправдание книги

1. О том, как я обиделся на Карла Маркса

Все началось с трех точек в тексте.

Мы все приучены, что тремя точками (...) суровые редакторы либо фиксируют удаление чего-то совершенно ненужного – либо скрывают некое непотребство. Порой эти точки весьма и весьма загадочны. А ежели «точить» решили самого Карла Маркса!

Поясню: лет тридцать назад Карла Маркса было принято уважать, и не только уважать – чтить. В те годы без товарища Маркса даже поваренная книга не издавалась. Конечно, Ленина и «Малую Землю» поминали чаще, но и Маркс свое получал. Особенно часто цитировали его в трудах по истории, ибо Основоположник страсть как любил по данному поводу высказываться – на радость редакторам и авторам кандидатских диссертаций.

О диссертации в те годы я мог еще только мечтать, но историей увлекался достаточно серьезно. И вот сначала в одной из книг по Древнему Риму, затем в другой, а потом и в третьей столкнулся с очередным гениальным высказыванием:

«...По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он – родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него „нет души“, вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец ... благородный характер, истинный представитель античного пролетариата. Помпей же – настоящая дрянь...»

Итак, Спартак – великолепный парень, Помпей – дрянь, Аппиан же – хороший историк. Так тому и быть, ясно, понятно, убедительно, тем более, самим Марксом сказано.

Если бы не три точки.

И в самом деле, что значит: «Великий полководец ... благородный характер»? Что между? А вдруг Основоположник как раз в пропущенной серединке уточнил нечто? Скажем, признал, что самый великолепный парень был, увы, педофилом. Ведь телеграфный столб, как известно, есть ни что иное, как хорошо отредактированная сосна. Что если выяснится, что Спартак, которого нам было положено любить с самого детства, на самом деле...

Ведь сам Карл Маркс сказать изволил!

Не буду интриговать дальше. Маркс не считал Спартака педофилом. Установить сие легко, ибо после каждой цитаты из Основоположников полагалась сносочка. В данном случае: «Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 27 февраля 1861 г. – К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1947, стр. 121–122». Полное доверие к читателю! Бери, смотри, выясняй, чего там со Спартаком не так.

Выяснить оказалось просто. Полностью кусочек звучит так: «Великий полководец (не Гарибальди), благородный характер...»

«Не Гарибальди!»

Оказывается Маркс и не думал критиковать самого великолепного парня. Напротив, он его еще раз похвалил. Великим был Спартак полководцем, не то что какой-то Гарибальди!

Вот тут-то я и обиделся, причем крепко. Не на редакторов, Маркса обрезавших: не хотелось им, редакторам, читателей излишне смущать, потому как Гарибальди мы тоже любить были обязаны. Обиделся я на Карла Маркса. Не то, что в те годы я особо преклонялся перед Гарибальди. Да и знал я о нем мало, чуть-чуть всего – в размере учебника для восьмого класса.

Ну, борода (почти как у самого Маркса), ну, шляпа широкополая... Обиделся я за истину. И в самом деле, где справедливость? Сравним:

Спартак поднял восстание рабов, выиграл несколько сражений, но был разбит и погиб вместе со всей своей армией.

Гарибальди вел несколько войн за освобождение и объединение Италии. Италия объединилась, и Гарибальди стал национальным героем.

Гарибальди много раз был бит (австрийцами, к примеру), но важен итог. Скажем, Кутузов в Отечественной войне 1812 года не выиграл у Наполеона ни одного крупного сражения, однако победил, причем с самым решительным результатом. И Вашингтон проиграл почти все битвы с англичанами, но независимость США отстоял.

Цель полководца – выиграть войну. Дело это трудное, побеждать всюду и всегда не удастся почти никому. Да и победа победе рознь. Наполеон в кампанию 1814 года выиграл все сражения – но потерял Париж и был вынужден отречься.

Все вышесказанное можно свести к простейшей формуле: хорошие полководцы способны выиграть битву, великие – войну.

Так был ли Спартак великим полководцем? А если был, то почему войну проиграл?

Итак, три редакторские точки разбудили во мне первые сомнения. Но эти сомнения были пока еще легким бризом, шторм начался позже.

2. Спартак – великий полководец?

Через некоторое время мне пришлось пойти стопами Карла Маркса и проштудировать Аппиана, но не для отдыха, а по долгу своей студенческой службы. Не только Аппиана, конечно, иных древних тоже. И вновь пришлось столкнуться с историей Спартака. Классические фрагменты Аппиана и Плутарха к тому времени я уже знал неплохо, но когда довелось почитать других, широкой публике менее известных...

Вот, к примеру, Секст Юлий Фронтин:

«Ливий рассказывает, что в этом сражении было убито тридцать пять тысяч вооруженных вместе с их вождем, было отобрано назад пять римских орлов, двадцать шесть военных значков, много военной добычи, между которой было пять ликторских связок с секирами».

Признаться, я онемел. Для того, чтобы онемели и другие, поясню подробнее. Секст Юлий Фронтин – военный и политический деятель, жил в I веке от Рождества Христова, был наместником провинции Британия. Его труд называется «О военных хитростях». О чем написан и для чего – догадаться нетрудно. Ливий, на которого Фронтин ссылается, это великий римский историк Тит Ливий, его старший современник.

О Ливии – чуть позже, пока о том, что именно говорится в отрывке. Битва, о которой идет речь – это сражение у горы Каламации, в котором был разбит отряд Ганника и Каста, сподвижников Спартака. Итак, разбит еще не сам Спартак, а лишь часть его войска. И что же? В лагере побежденных найдено «пять римских орлов, двадцать шесть военных значков, много военной добычи, между которой было пять ликторских связок с секирами».

Еще не оценили? Тогда ясности цитату можно сократить: «ПЯТЬ РИМСКИХ ОРЛОВ». Не знаю, как кому, а мне от этих слов становится не по себе.

Основное соединение римской армии – легион. Первоначально вся римская армия и была «легионом», то есть «ополчением» или «полком». Потом римлян стало больше, и число легионов возросло. В случае войны легионы собирали, после войны – распускали, однако как раз в эпоху Спартака легионы постепенно становятся стационарными.

Легион – это много. В описываемое время – около шести тысяч, но к легиону еще придавались вспомогательные войска из числа союзников. Легион вполне можно сравнить по штату с современной дивизией, а вот по значению скорее с армией. Консул обычно брал на войну два легиона, если же их было не два, а больше, значит война ожидалась очень опасная. Несколько позже, когда римские войска размещались по провинциям, одного легиона было вполне достаточно чтобы держать под контролем огромную провинцию Африка. И в Египте размещался всего один легион, и в Ближней Испании. А вот где легионов было больше двух (скажем, в Германии), там явно проходил фронт.

Как видим, легион совсем немало. Это – сила. Это – римская армия.

При Гае Марии, лет за тридцать до Спартака, постоянные легионы получили знамена. Каждый легион имел их несколько, но главным считался Орел. Именно он и стал символом римских вооруженных сил. Первые Орлы были серебряные с позолотой, позже стали полностью золотыми, но дело, конечно, не в металле. Орел считался святыней. Его обкуривали благовониями, его хранили в храме, его окружала специальная стража...

Думаю, можно не продолжать. Орел даже чисто формально может быть сравнен с современным знаменем части, причем с ГЛАВНЫМ, полученным от имени государства и народа.

Итак, Орел – знамя. Пока Орел цел, армия считается существующей, даже если потеряян почти весь личный состав. А вот наоборот (легион цел, а Орел потеряян) никогда не бывало –

армия защищала знамена в прямом смысле до последней капли крови, и если Орел потерян, мы можем с чистой совестью отпеть весь легион.

Но потеря Орла – не просто потеря легиона. Это национальный позор, пятно на весь Рим. Пятно, которое почти невозможно смыть.

В 6 году от Р.Х. в Тевтобургском лесу германцы разбили войска Квинтилия Вара. Погибли три легиона и были потеряны ТРИ Орла. Сами римляне считали это невероятным позором. Император Август, обычно хладнокровный и спокойный, плакал почти полгода и не снимал траурный плащ.

Несколько позже одного Орла удалось вернуть. Это считалось огромной удачей, возвращенного Орла тут же поместили в храм.

Еще одна история произошла с потерянными Орлами при том же Августе, но несколькими годами раньше. Парфяне, восточные соседи Рима, били римские войска постоянно и с большим успехом. За полвека у них накопилось немало трофеев, среди которых самыми ценными считались римские военные знамена. Напомню: римские знамена это не только Орлы. Даже не столько – имелись значки когорт, были легионные знамена-вексиллиумы. Но в любом случае такое считалась позором, и император Август попытался дипломатическим путем знамена вернуть.

Удалось – парфяне знамена отдали. Знамена были помещены в специальном построенном храме, праздник по этому поводу отмечался по всей Империи, а памятная монета чеканилась три года подряд. Сам Август считал возвращение знамен одним из своих величайших успехов.

Знамен было много (от трех разбитых римских армий: Красса, Дидия Саксы и Марка Антония), но среди них имелось только ДВА Орла. Именно два Орла изображены на памятных монетах. Будь их, к примеру, три, все три бы отчеканили, это уж точно.

Теперь можно сравнить: потеря ТРЕХ Орлов – национальный позор, возвращение ДВУХ – великий праздник и великий успех. А только в одном из лагерей армии Спартака (не главном!) было найдено ПЯТЬ Орлов. Сколько Орлов хранилось в лагере самого Спартака, римские историки стыдливо умалчивают.

О двадцати шести военных значках (двадцать шесть когорт или вспомогательных подразделений, каждое численностью от пятисот человек до тысячи) и пяти ликторских связках можно даже не упоминать. Впрочем, тем, кто слабо знаком с римской историей, стоит разъяснить: ликторы – почетная охрана, полагавшаяся высшим должностным лицам, телохранители. Они гибли или попадали в плен только в случае, если данный чиновник подвергался непосредственной угрозе. Значит, в боях со Спартаком не только были уничтожены пять легионов, но и погибли или попали в плен пять личных телохранителей высокопоставленных римских чиновников. А если учесть, что в бою ликторы не участвовали, то можно сделать очевидный вывод: ликторы были убиты в самом лагере или во время бегства.

Гибли не только телохранители, гибли и те, кого они охраняли.

Орозий:

«Спартак убил проконсула Гая Кассия, разбив его в сражении».

Проконсул – отставной глава государства, бывший консул, получивший в свое управление провинцию, в данном случае – Цизальпинскую Галлию. Спартак войско этого губернатора и экс-президента разбил, а самого его убил.

Гибли и другие высокопоставленные чиновники, Гай Кассий – только пример. Сколько ликторских связок хранилось в лагере самого Спартака, римские историки опять-таки умалчивают.

Не меньший позор для римской армии – потеря лагеря. Лагерь – крепость, пока он не взят, битва не проиграна окончательно. Для того лагерь и строился, для того и укреплялся. И что же? Поэт Клавдиан пишет о Спартаке:

«Огнем и мечом бушевал он вдоль всей Италии, битвой открытой
не раз он сходил с консульским войском, у слабых владык отнимая их
лагерь, доблесть свою потерявших Орлов в позорных разгромах часто оружием
восставших рабов разбивал он».

Итак, Спартак разбивал консульские войска, захватывал римский лагерь, причем это происходило «не раз». Значит, как минимум, дважды (как мы увидим дальше – даже не дважды). Бил он этих слабых владык «часто», и разгромы эти были «позорные».

А вот еще один поэт – Аполлинарий Сидоний:

«О Спартак, привычный консулов разгонять отряды. Нож твой был
посильнее меча их».

«Разгонять»! Словно стаю дворняжек.

Выводы? Они очевидны: от начала своей истории ТАКИЕ поражения Рим терпел только в войне с Ганнибалом, когда карфагенский полководец трижды сумел уничтожить консульские армии (при Требии, Тразименском озере и Каннах). Ганнибал – величайший полководец, что охотно признавали сами римляне. Значит, и Спартак...

Но ведь Ганнибал тоже проиграл войну!

3. Ганнибал-победитель.

Каждому, кто учит иностранный язык, приходится читать адаптированные тексты. Составляются они на оригинальном материале, но материал этот изложен упрощенно – для лучшего понимания и восприятия. Читал подобное и я, изучая латынь. Поскольку латынь – язык древних римлян, тексты в учебнике были соответственно про Рим.

Один из таких рассказиков оказался про Ганнибала. Уже много позже нашел его в подлиннике – у Тита Ливия. В первом случае текст простой, во втором, как можно догадаться, посложнее, но суть оказалась одинаковой. Говорилось же там вот что:

После решающей победы под Каннами, когда на поле битвы легла почти вся римская армия, начальник карфагенской конницы Магарбал предложил Ганнибалу немедленно наступать на Рим. Полководец отказался, и тогда Магарбал заявил, что Ганнибал умеет побеждать, но не умеет пользоваться плодами победы. Попросту говоря, выигрывает сражения, но не войны.

Тут следует задуматься. Текст писался римским историком по римским же источникам. При разговоре Ганнибала с Магарбалом никто третий не присутствовал, так что весь эпизод скорее всего выдуман (скажем изящнее – реконструирован) самим Титом Ливием. Так что перед нами оценка Ганнибала, данная официальным римским историком.

Суть этой оценки понятна. Ганнибал бил римлян долго и страшно, на войне с ним погибли несколько римских консулов. Победить карфагенянина в самой Италии так и не удалось. Каждая победа Ганнибала – национальный позор для римлян. Зато войну Рим выиграл, а победителей если и судят, то весьма снисходительно. И вот римская официальная история делает внешне логичный вывод: Ганнибал хороший тактик, но никудышный стратег. Почему? Да потому что он проиграл войну! Логично?

На первый взгляд – да. А вот если задуматься – нет.

Успех или неудача полководца (и не только полководца) может быть оценены, если мы знаем цель, к которой тот стремился. Достаточно признать, что целью Ганнибала были полный разгром Рима и победа в войне, то правота римских историков очевидна. Однако...

Однако, Ганнибал не ставил себе таких целей! Не ставил – и не мог ставить.

Вспомним учебник: войну, которую позже назвали Второй Пунической, готовили обе стороны – и Рим, и Карфаген. Первую Пуническую Карфаген проиграл. Результатом этого проигрыша стала потеря Сицилии, а затем и Корсики с Сардинией. Если до Первой Пунической возможности Рима и Карфагена были приблизительно равны, то после нее Рим стал заметно сильнее. Надеяться на то, что в следующей войне Рим удастся полностью уничтожить, не могли даже самые большие оптимисты. Цель была куда более скромной: вернуть потерянные острова и, конечно же, ослабить противника.

Между прочим, куда более сильный Рим тоже не пытался тогда уничтожить Карфаген. Об этом говорят итоги войны: пунийцы отдали все владения за пределами Африки, потеряли Нумидию, лишились флота – но Кафагенская держава уцелела и просуществовала еще достаточно долго.

Итак, обоюдной целью было не уничтожение врага, а его ослабление. Ясное дело, Ганнибал, как один из карфагенских полководцев, исходил именно из этого. Уничтожать Рим он не собирался.

На это можно возразить. Ганнибал, с детства воспитанный в ненависти к Риму (Ганнибалова клятва!), мог поставить перед собой именно такую – крайнюю – задачу, то есть хотеть не того, что карфагенское правительство. Мог – но не ставил. Достаточно вспомнить, что даже после величайшей победы при Каннах Ганнибал предложил римлянами договориться. И не просто предложил, а попытался совершить акт доброй воли – отпустить часть пленных. Пере-

говоры были сорваны по вине Рима, а отнюдь не Ганнибала. Лично карфагенский полководец мог римлян ненавидеть, но на войне, как и в политике, следует исходить из возможного, возможностей же уничтожить римскую державу Карфаген, а следовательно, и Ганнибал, не имели. Поэтому совершенно понятно, отчего Ганнибал не пытался захватить сам город Рим (демонстрация, призванная спасти Капую, о чем речь пойдет ниже, не в счет). В этом случае война приобрела бы совершенно иной характер. Одно дело мы воюем за острова, и тогда договориться в принципе можно, совсем же иное – сражаемся ради полного уничтожения врага. В этом случае договариваться нам не о чем.

Между прочим, в конце войны именно эти соображения остановили римлян от уничтожения Карфагена. Даже разбитый противник становится опасен, если речь идет о жизни и смерти.

Итак, почему Ганнибал не бросил конницу на беззащитный после Канн Вечный Город, вполне понятно. Ему нужны были переговоры, а не смертельная схватка с неопределенным итогом. Взятие вражеской столицы, как известно, далеко не всегда означает победу.

Однако войну карфагеняне все же проиграли! Да, проиграли, но виноват в этом не Ганнибал.

Вспомним – Ганнибал не являлся ни главой государства, ни верховным главнокомандующим. Он был наместником испанских владений Карфагена и командующим стоявшей там армии. Это – не главная армия Карфагена, не его основные силы. Основные силы карфагенян находились в Африке. Достаточно вспомнить, что в Италию Ганнибал смог привести только 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Это была хорошая пехота и хорошая конница, но для разгрома Римского государства этих сил, мягко говоря, маловато.

И опять можно возразить. Александр Македонский выступил против Персии с немногим более крупной армией – и победил. Однако сравнение некорректно: Александр исходил (как выяснилось, вполне здраво) из того, что Персидская держава находится в состоянии глубокого кризиса. Более того, он рассчитывал на помощь многих народов, недовольных персидской властью. Не ошибся Александр и в этом. Кроме того, его войско постоянно пополнялось резервами из Греции и Македонии.

Ганнибал тоже рассчитывал на помощь народов, недовольных римским владычеством. Но он не мог не видеть, что в целом Рим находится на подъеме, государство римлян сильно и едино, а большинство римских союзников не собираются переходить на сторону захватчика – как и случилось в действительности.

Для чего же Ганнибал вторгся в Италию, если не для полного разгрома врага? А вторгся он для того, чтобы Карфаген мог выиграть войну.

Римские полководцы разработали военный план заранее. Он был прост и красив – с первых же недель перенести войну на территорию противника. Выгоды этого столь очевидны, что их даже можно не перечислять. И действительно, к началу войны две римские армии (консулов Публия Сципиона и Тиберия Лонга) были двинуты соответственно в Испанию и на Сицилию, чтобы оттуда высадиться в Африке. Если учесть, что Рим имел преимущество в материальных и людских ресурсах, то перспективы для Карфагена вырисовывались весьма мрачные.

И вот тут-то и последовал рывок Ганнибала в Италию. С небольшим, но отборным войском карфагенянин оказался в самом сердце вражеской державы. После первых же поражений римляне вынуждены были свернуть наступление в Испании и отменить высадку в Африке. Римский военный план был сорван, для Карфагена же стратегическая ситуация качественно улучшилась, теперь именно он, а не Рим мог навязывать противнику место и способ ведения войны.

Итак, стратегически Ганнибал поступил безупречно и полностью выполнил то, что от него требовалось. Однако он сумел сделать куда больше. На протяжении нескольких лет Ганнибал перемалывал в Италии лучшие римские силы. Консульские армии гибли одна за дру-

гой, в войско уже начали призывать рабов... Увы, правительство Карфагена не смогло или не захотело воспользоваться совершенно уникальной ситуацией. Не была захвачена Сицилия, бездействовал могучий карфагенский флот, оказались не задействованы дипломатические возможности для поиска союзников. Более того, Ганнибал даже не получал подкреплений! Неудивительно, что римляне постепенно пришли в себя, пополнили войско, пользуясь немалыми людскими ресурсами Италии – и вернулись к первоначальному плану. Одна римская армия вторглась в Испанию, вторая – в Африку...

Война была Карфагеном проиграна – но не по вине Ганнибала. Более того, великий полководец сумел сберечь свою армию и перебросить ее в Африку для защиты родного города. Там он и был разбит – а точнее попросту раздавлен превосходящими римскими силами.

Таким образом не Ганнибал был лишен стратегического таланта, не Ганнибал не умел пользоваться плодами побед. Тит Ливий, выдумавший его разговор с Магарбалом, был не прав.

Карфаген войну проиграл, но Ганнибал со своей задачей полностью справился, поэтому он заслуженно считается величайшим полководцем.

А Спартак?

4. Спартак – освободитель рабов?

Спартак ставил своей целью освобождение рабов.

Это мнение не мое, оно общепринято, зафиксировано в учебниках, популярной литературе, а также литературе художественной. Всерьез его никто еще не пытался оспаривать.

Итак, Спартак хотел освободить рабов... Так почему же не освободил? А не освободил он рабов, отвечают историки вкупе с писателями, потому что проиграл войну и сам погиб. Значит, считать Спартака великим полководцем все же не стоит, ибо поставленной цели он не добился. Логично?

Не будем, однако, спешить. Прежде всего подумаем, как можно освободить рабов? А освободить их можно так:

1. Выкупить у хозяев или уговорить хозяев отпустить рабов безвозмездно.
2. Помочь бежать и увести туда, где хозяева их не найдут.
3. Перебить всех хозяев.
4. Издать государственный акт об освобождении рабов и проконтролировать его исполнение.

Задумаемся.

Спартак рабов не выкупал и римских рабовладельцев не уговаривал – по крайней мере об этом ничего не известно. Государственных актов на подобную тему не издавал потому, что не был государственным деятелем. А вот все остальные методы им применялись. Однако...

Однако в действительности все выглядит иначе. Вспомним:

– Несколько десятков гладиаторов из школы Лентула Батиата бежали летом 74 года до Р.Х. Побег – уже свобода, однако свобода, скажем так, не полная. Беглецов ищут, их могут поймать и даже убить. Естественно, беглецы спрятались, затаились в лесах на склонах Везувия. Чего можно было ожидать? А ожидать стоило того, что беглые гладиаторы, опустошив кошельки неосторожных путников, потихоньку переберутся туда, где их никто ловить не станет. Лучше всего – за море, благо пиратских кораблей ходило у побережья достаточно. Уехали – стали свободными. Однако беглецы никуда не уехали, более того, их предводитель Спартак начал готовить большую войну против Рима. Между тем времени для того, чтобы скрыться и стать свободными, было более чем достаточно – беглецы просидели в чащобе у Везувия целый год.

Итак, тех, кто бежал вместе с ним, Спартак не собирался освобождать, он хотел сделать их ядром будущей повстанческой армии. Но может быть Спартак считал, что надо помочь освободиться куда большему числу невольников?

– Через два года, летом 72 года до Р.Х. армия Спартака оказалась в Цизальпинской Галлии. В войске было несколько десятков тысяч человек, большая часть – беглые рабы. Оставалось одно – уйти из Италии. Конечно, рабов преследовали бы, ловили, но шансы на спасение возросли бы многократно. Достаточно вспомнить, что рядом находилась еще не завоеванная Римом Галлия, а ведь в войске Спартака, как считается, было много галлов! Армия Спартака повернула назад, шанс на освобождение был утерян.

Можно возразить: далеко не все восставшие стремились покинуть Италию. Что в этом случае должен был сделать мечтающий об освобождении рабов Спартак? Ясное дело – отдать боевой приказ, а если не послушают, доходчиво разъяснить, что вернуться в Италию – значит вернуться на верную смерть (как в действительности и случилось). Покинув же Италию, восставшие могут найти союзников (например, свободных галлов), взбунтовать лежащие рядом римские провинции, получить там подмогу, подучить и вымуштровать армию – а уж тогда можно и о возвращении подумать. И в любом случае Спартак ОБЯЗАН был отпустить из Ита-

лии тех, кто этого хотел, иначе все сочли бы его обманщиком и предателем. Действительно: хотел освободить, обещал – и на тебе!

Спартак никого никуда не отпустил. Возможно, кое-кто просто разбежался, но большая часть армии охотно повернула назад, и никто не обвинил вождя в обмане и предательстве.

Но может быть, Спартак хотел освободить всех рабов Италии или даже в Римском государстве?

Может быть. Но в этом случае требовалось уничтожить Рим. Не город – державу, ежели не перебить всех рабовладельцев поголовно, то по крайней мере лишить их возможности быть таковыми. Мог ли Спартак ставить себе такую задачу?

Допустим (теоретически) – мог. Но тогда он должен был сделать следующий шаг – создать свое собственное ГОСУДАРСТВО, в котором отменено или ограничено рабство. Восставшие рабы обычно так и поступали:

1. Во время первого восстания рабов на Сицилии было основано Навосирийское царство, которое законодательно ограничило рабство.

2. Во время второго восстания на той же Сицилии рабы вновь основали свою державу.

3. Восставшие под руководством Аристоника в Пергаме, среди которых было много рабов, провозгласили Государство Солнца, где рабство было полностью отменено.

Все логично: мы уничтожаем одну державу (плохую), создаем другую (хорошую). Эта хорошая держава освобождает рабов и следит за тем, чтобы решение было выполнено.

Но Спартак даже не пытался создать что-то подобное, а ведь у него было целых два года, восставшие контролировали немалую часть Италии и...

И ничего! Спартак не объявляет себя царем (диктатором, консулом) и не издает указ об отмене рабства. Может, Спартак вообще чуждался власти? Вовсе нет. Римский историк Флор сообщает, что восставшие, желая придать себе вид настоящего войска, преподнесли Спартаку взятые в качестве трофея преторские знаки отличия и ликторские связки. Спартак отказался?

Флор:

«От этих знаков отличий не отказался Спартак, этот солдат из фракийских наемников, ставший из солдата дезертиром...»

Претор – высокая должность в Риме. Преторы – заместители консулов, перед каждым из них полагалось идти шести ликторам (перед консулом – двенадцати). Преторы – судьи, они могли также командовать легионом, а в исключительных случаях несколькими. Римлянин Флор не мог не возмутиться тем, что дезертир присвоил себе высокие военные знаки отличия.

Итак, Спартак не возражал стать претором, то есть присвоил себе функции административного и военного руководителя восставших. Но не руководителя государства! Между прочим, по римским законам претор имел право освобождать рабов. Претор Спартак такого указа не обнаружил – по крайней мере об этом ничего не известно.

Так каким же образом Спартак думал освободить рабов? Он не позволил им тайно скрыться, не вывел из Италии, не попытался основать державу, где рабство отменено. Все эти возможности у него были – и ни одной он не воспользовался.

Более того, тот же Флор рисует следующую картину из жизни Спартака-претора:

«Он приказывал пленным сражаться с оружием в руках у погребального костра, как будто желая вполне загладить всякий позор прошедшего, если только он сам, бывший прежде гладиатором, будет устраивать похороны как какой-нибудь важный вельможа, с гладиаторскими боями».

Оценим.

Этот отрывок находится как раз после предыдущего, где говорится о получении Спартак-ом знаков отличия претора. Интересно, что по римским законам претор действительно имел право (и даже обязанность) устраивать гладиаторские бои. Претор Спартак так и поступил. Но

поражает не это, поражает сам факт: Спартак борется за освобождение рабов – и попутно сам обращает людей в рабство. И не просто обращает, но заставляет убивать друг друга.

А может, злой римский шовинист Флор просто оговорил хорошего человека? Увы, христианин Орозий полностью согласен со своим коллегой-язычником, повествуя на этот раз не только о Спартаке, но и обо всех командирах восставших:

«Они, как будто скорее учителя гладиаторов, чем начальники войска, устроили игры гладиаторов из 400 пленных, которые, надо полагать, должны были быть испытаны для этого зрелища».

Итак, только в одних играх, устроенных Спартаком и его сотоварищами участвовала 400 свежих рабов.

Военнопленный – еще не раб. Пленного можно отпустить или обменять, убить, впрочем тоже можно – равно как и обратить в рабство. Спартак поступал именно так да еще не забывал «испытать» новых гладиаторов. Так сказать, краткий курс молодого бойца – и на арену. Насмерть!

... Читавшие великий роман Джованьоли, надеюсь, помнят, что на погребальных играх щадить гладиаторов не полагалось. Правда, на этот раз убивают друг друга не «хорошие» рабы, а «плохие» римляне! Однако, какая в принципе разница? Я собираюсь освободить ВСЕХ рабов – и тут же, не освободив и половины, обращаю в рабство новых.

Вывод прост, хотя и ошеломляющ: Спартак не ставил своей целью освобождение рабов. Не стремился к этому. И даже особо не пытался.

Нет! Такое следует написать еще раз – причем иначе:

СПАРТАК НЕ СОБИРАЛСЯ ОСВОБОЖДАТЬ РАБОВ!!!

Впечатляет? Меня лично впечатляет. Но позвольте, если он не собирался освобождать рабов, то... То ради чего была вся заваруха?! Может, Спартак просто решил организовать громадную шайку, дабы погулять по Италии и душеньку потешить? Но если в шайке несколько десятков тысяч вооруженных, она уже называется иначе. Грабят небольшими бандами. С этого Спартак и начинал – возле Везувия, однако выведя в поле десять тысяч, он не мог не понимать, что начинает ВОЙНУ. И в этой войне он либо будет разбит – либо победит. Иное дело, как именно Спартак представлял себе победу.

... Между прочим, римские историки тоже заметили это. Заметили – и зафиксировали. В одном плохо сохранившемся отрывке из Саллюстия можно прочитать следующее:

«... Они хотели возможно скорее уйти. Немногие благоразумные одобряли и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные... Но часть по своей глупости, полагаясь на все прибывающие силы, жестокие характером, иные, позорно забывши о своей родине, главнейшая же масса по своей рабской натуре, не стремясь ни к чему иному, кроме добычи и удовлетворения своей жестокости...»

Увы, сохранился отрывок действительно плохо. Вполне вероятно, речь в нем идет не о разногласиях по поводу цели войны (уходить из Италии – или не уходить?), а всего лишь о спорах перед очередной битвой с армией Вариния (наступать – или отступить?). Но вот слова «позорно забывши о своей родине» настораживают. Как мог раб, насильно увезенный из дому «позорно забыть» родину? Только в одном случае – если получил возможность вернуться, однако не вернулся.

Есть, конечно, еще одно объяснение, кто такие эти «позорники». Но – побережем его на потом, чтобы к месту пришлось...

Правда, «позорно забыли» не все. Имелись еще «немногие благоразумные». Запомним – «немногие». Интересно, а был ли среди них Спартак? Ведь он и сам не пытался вернуться

домой – прочих не пустил, в том числе этих «немногих благоразумных». А вообще-то говоря, странный отрывок! Римлянин Саллюстий именует восставших рабов (пусть и «немногих») «свободными духом» и даже «прославленными». Интересно, где прославленными? В гладиаторских боях? Но ведь ремесло гладиатора считалось в Риме позорным, а не славным. Впрочем, и об этом – в свой черед.

Итог печален: мы не знаем, какую именно цель перед собой ставил Спартак, а значит не представляем, добился он этой цели – или потерпел неудачу. Карл Маркс поспешил со своей похвалой великолепному парню.

Впрочем, не знаем мы и многое другое.

5. Странные фракийцы, странные галлы, странные германцы.

Всем известно, что Спартак был фракийцем. Фракия – современная Болгария. Там, так сказать, на родине героя, Спартаку поставили памятник. Если судить по фотографиям, скульптура столь же напоминает настоящего Спартака, как и памятник Суворову работы Козловского в Петербурге походит на реального князя Итальянского. Каменный Спартак суров, могуч и имеет большие челюсти. В общем, истинный ариец.

Итак, среди восставших имелись фракийцы, фракийцем был их вождь. Спартак считается пламенным фракийским патриотом. Все мы с детства помним, что будущий вождь восставших не пожелал воевать в римской армии, сражаясь против своих земляков.

Трудно сказать, кто сие первым выдумал. Сами римляне (тот же Флор) лишь указывают, что Спартак был из числа фракийских наемников. Упоминает Флор и причину дезертирства – будущий вождь стал разбойником. Впрочем, если поверить Плутарху с Аппианом, которые рассказывают, что Спартак сражался ПРОТИВ римлян и попал в плен, то...

Допустим.

Итак, Спартак – фракийский патриот, защищавший родную землю от римлян и за это попавший в рабство. А теперь представим себе, дорогой читатель, жаркое лето 72 года до Р.Х. Вы – Спартак. За вашей спиной – армия в несколько десятков тысяч человек, среди которых немало ваших земляков. Напоминаю: ваша родина – Фракия, и вы это родину очень любите. Вы прошли с боями всю Италию, разбили обе консульские армии, уничтожили войско наместника Цизальпинской Галлии. Римских войск в Италии, способных дать вам бой или погнаться за вами уже НЕТ. Новую армию Рим сумеет собрать месяца через полтора.

Представили? А теперь поглядите на карту. Ваша родная Фракия не так и далеко. Конечно, Галлия ближе – прямо под подошвами ваших калиг, но и родина не за тридевять земель. Достаточно пройти еще столько же, сколько пройдено – и вы дома, причем не один, а с целой армией. Вы спросите, куда спешить? А поглядите-ка вновь на карту, но на этот раз – из исторического атласа.

Именно в эти годы Фракия буквально истекала кровью. Уже седьмой год римляне пытались додушить фракийцев. В 78-76 годах до Р.Х. там зверствовал Аппий Клавдий. Даже поклонник римлян Моммзен отмечает: «Война велась со страшной жестокостью». Клавдия сменил Гай Скрибоний Курион. Совсем недавно (73 год до Р.Х.) он покорил дарданов и дошел до Дуная. Однако большинство фракийцев все еще сражаются. И вот именно в этом, 72 г. до Р.Х., когда армия Спартака (то есть ваша армия, читатель!) прорвалась на север Италии, во Фракию послан опытный полководец Марк Лициний Лукулл. Как раз сейчас его войска уничтожают племя бессов, осаждают крепость Ускудаму, последний оплот фракийцев в горах...

Ваши действия, читатель? Не забывайте – вы фракийский патриот, в вашей армии есть (считается, что немало) фракийцев, ваша родина в беде...

Что вы делаете? Правильно, поворачиваете назад, в Италию. И ваши соплеменники-фракийцы – вместе с вами.

Как думаете, надо ли вам ставить памятник на родине? Заслужили? Как там Саллюстий писал о тех, кто «позорно забыли» свою страну? Или дело опять в том, что часть войска чего-то там «не захотела»? Благоразумный же вы в этом случае человек! И очень-очень компанейский.

Остается напомнить, что именно армия Марка Лукулла через полгода высадится в Брундизии, сделав стратегическое положение восставших мягко говоря трудным. Фракия в это время уже догорала...

Странные какие-то фракийцы в армии Спартака! И сам Спартак – очень странный фракиец.

Не менее странными кажутся галлы.

Галлы в войске Спартака были – с этим согласны все историки. Галлами считают спартаковских полководцев Крикса, Эномая и Гая Ганника (Канникия).

...Канникий – непростое имя. «Блещущий Победами» – красиво звучит, правда?

Откуда эти галлы попали в Рим, а точнее в римское рабство? Как справедливо пишет Юлий Цезарь: «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части». Первая часть – это Галлия Цизальпинская, то есть лежащая по «эту» (с точки зрения Рима) сторону Альп. «Эта» часть Галлии римлянами уже завоевана и превращена в провинцию. Вторая часть – Галлия Нарбонская, нынешний юг Франции, Прованс (от римского слово «провинция»). Она тоже завоевана.

Провинциалы попадали в рабство часто и по разным поводам. Таким образом, по крайней мере часть галлов – это бесправные подданные Рима родом из уже покоренных территорий. Их свобода прямо связана с освобождением родной земли.

Третья часть Галлии (нынешние Центральная и Северная Франция, а также Бельгия) пока еще свободна. Римляне называют ее Галлией Косматой. Она граничит с римскими владениями, поэтому галлы попадают в плен в ходе пограничных стычек, их также (иногда) продают римлянам свои же соплеменники. Для галлов из Галлии Косматой свобода – это возможность просто перешагнуть римскую границу.

Галлы и римляне – исторические противники. В свое время галльский вождь Бренна захватил и сжег Рим – никакие гуси, несмотря на легенду, Вечный Город не спасли. Пришлось откупаться телегой золота. Галлы поддержали Ганнибала и сражались в его войске. И восставали – не очень часто, но регулярно. О взаимных чувствах галлов и римлян вполне можно догадаться. Чувства эти были закреплены законодательно. Лет за двадцать до Спартака почти все свободные жители Италии получили права римского гражданства. Галлы тоже получили гражданство, но Цизальпинская Галлия осталась провинцией, то есть, если по-современному, колонией. Галлам не верили, поэтому ими по-прежнему правил римский наместник. Граница была проведена по небезызвестной реке Рубикон.

Итак, галлы римлян ненавидят и с римлянами сражаются. Есть они и в армии Спартака. Что же происходит? А происходит следующее: все тем же летом 72 года до Р.Х. армия Спартака врывается в Цизальпинскую Галлию, разбивает войско римского наместника Гая Кассия, самого его убивает и... И поворачивает назад, бросая освобожденную страну!

Теперь представьте себе, что вы галл. Впервые за несколько веков ваша родина наконец-то на шаг от свободы. Что вы делаете? Воссоздаете государство, армию, начинаете искать союзников в Альпах и за Альпами, дабы эту свободу защитить? Идете походом в лежащую совсем близко Галлию Нарбонскую, чтобы помочь своим братьям? Посылаете гонцов в Галлию Косматую, чтобы сообщить приятнейшую из новостей – римлян бьют, и Галлия почти что свободна?

Нет! Вы поворачиваете назад.

А что удержало уроженцев Галлии Косматой в спартаковском войске, понять вообще мудрено. Родина близко, римлян там пока нет, вот она граница, только шагни... Не хотели бросать сородичей? Но разве не лучшая им помощь – свежая галльская армия, которая наносит удар, скажем, по той же Галлии Нарбонской, выметая оттуда римлян и отрезая от Рима Испанию?

Понимали все это галлы из войска Спартака? Неужели нет? А сам Спартак?

На это какой-нибудь весьма рассудительный историк сурово заметит, что мудрый Спартак проявил в данном случае истинную классовую, а также интернациональную солидарность вкупе со стратегической мудростью. Попросту говоря, решил вначале вдребезги расколошматить Рим, дабы облегчить положение ВСЕХ угнетенных: и рабов, и братьев-фракийцев, и галлов, и прочих по списку. Мол, надо не рвать паутину, а прикончить паука.

Рассмотрим и эту возможность.

Вообще-то говоря, подобная самоотверженность свойственна людям, а особенно повстанцам, каждому из которых грозил большой деревянный крест, далеко не всегда. Но представим себе и такое: гладиаторы, рабы из сельских вилл, пастухи, просто уголовная шантрапа (кто там был еще у Спартака?) прониклись нужной мыслью и сказали вождю: «Не пойдем мы родную Фракию (Галлию) спасать! Пусть она огнем горит, зато проклятый Рим рухнет, и волки будут выть на Капитолии!»

Сказали. И что должен ответить Спартак? Мы ведь помним, что он – не просто великолепный парень, но и полководец – не чета Гарибальди. А вот что он должен ответить:

Римская держава – не только город Рим. Это Италия, большая часть Испании, Северная Африка, Цизальпинская Галлия и Галлия Нарбоннская, Греция, Македония и провинции Малой Азии, а также десятки островов в Средиземном море. Это несколько сильных отобилизованных римских армий: Помпея в Испании, Марка Лукулла – во Фракии и Луция Лукулла в Малой Азии. Взятие и даже уничтожение города Рима не приведет к распаду всей Республики, напротив, сплотит римлян перед лицом новой беды. Римляне могут наплевательски относиться к делам где-нибудь на Крите или в Каппадокии, но падение или даже угроза столице объединит все несколько миллионов римских граждан. И тогда пощады не будет ни повстанческой армии, ни Фракии, ни Галлии.

К слову, это превосходно понимал и Ганнибал.

Однако город Рим не так легко захватить. Система его укреплений весьма неплоха, и его НИ РАЗУ еще не удавалось взять с налета. Либо город открывал ворота перед теми, кого мог считать «своими» (перед войсками Мария и Суллы в годы гражданских войн) либо надо было уничтожить ВСЮ римскую армию (в период давней войны с галлами Бренна). Осады римляне не очень боялись и вообще не склонны были в подобных случаях паниковать, а если паника и начиналась, то с нею справлялись молниеносно, как после гибели всей армии у Канн. Пример: в период все той же войны с Ганнибалом, когда перевес сил был уже у Рима, римские войска осадили Капую, главную базу карфагенян. Ганнибал двинулся прямо на Рим, надеясь, что римляне оставят Капую в покое. Не тут-то было! Римляне не забрали из-под Капуи ни одного солдата, штурмовать же сильные укрепления столицы Ганнибал даже не решился. В самый разгар его топтания у римских стен, поле, на котором стоял шатер карфагенского полководца, было преспокойно продано одним римлянином другому по самой обычной цене – вместе с Ганнибалом.

Капуя была взята. Карфагеняне, ничего не добившись, ушли из-под Рима. Знал ли об этом Спартак?

Кроме того, мудрый Спартак обязан был объяснить своим друзьям – пламенным интернационалистам, что такое стратегическая позиция. Италия по своему географическому очертанию похожа на сапог, но ее можно сравнить и с мешком, который не так трудно завязать. Возможности маневрирования крупными силами в таком мешке ограничены, а уходить в случае опасности некуда, особенно если нет своего флота (что армия Спартака и ощутила на собственной шкуре весьма скоро.) А вот уйдя во Фракию или в Галлию, повстанцы:

– Могут получить подкрепления из числа врагов Рима, причем подкрепления немалые.

– В случае неудачи уйти либо за Дунай, либо в Косматую Галлию и там продолжить борьбу. Конечно, придется договариваться с местными племенами, возможно, кого-то подкупать, а то и усмирять оружием, но это все-таки лучше и перспективнее, чем шесть тысяч крестов вдоль Аппиевой дороги. А вот создание сильной антиримской позиции в Галлии или во Фракии, да еще «с подпиткой» извне, это действительно угроза Риму. Не следует забывать, что в разгаре война с Митридатом, в Испании еще держатся серторианцы, в Средиземном море что ни день наглеют пираты...

Вот это и в самом деле шанс! Разгромить Республику полностью едва ли удастся, но вот обрубить перья золотому римскому Орлу – вполне. Так что для галлов, да и для всех прочих, ради победы над ненавистным Римом и освобождения родных земель целесообразнее было не биться лбом в ворота Вечного Города, а УЙТИ из Италии.

Объяснил ли все это Спартак своим горячим товарищам? Если объяснил, то почему его не послушали?

И, наконец, еще одна странность этнического порядка. Считается, что в войске Спартака были германцы, причем германцев этих насчитывалось немало. Плутарх пишет, что консул Геллий разбил целый германский отряд. Имеется в виду отряд Крикса, в котором по римским же данным было 30 тысяч человек. Джованьоли в своем романе сделал германцем Эномая. Как по мне, германец из Эномая получился хоть куда.

А теперь оценим.

Германия в понимании римлян – это земли за Рейном и за Альпами. Плутарх, живший и работавший во II веке от Р.Х. мог часто видеть рабов-германцев, потому что в его время часть Германии была Римом уже покорена, а часть граничила с Империей – и постоянно воевала. Отсюда и рабы-германцы. Но во времени Спартака никакой общей границы между Римом и Германией еще не было. Между римскими владениями и германцами лежала Косматая Галлия – и поднимали ввысь свои заснеженные пики Альпийские горы.

Откуда рабы-германцы в Риме? Да еще десятки тысяч?

Вариант: какая-то часть рабов-германцев могла быть куплена у тех же галлов, с германцами воевавших. Но чтобы столько и сразу? Никакой сокрушительной галло-римской войны ни в эти годы, ни перед тем, римляне как-то не заметили. Да и галлы, несмотря на все свои недостатки, предпочитали пленных отпускать за выкуп (о чем пишет тот же Цезарь), а не продавать ненавистным римлянам.

Еще вариант: в свое время Гай Марий наголову разбил при Аквах Секстиевых германское племя тевтонов (разбил он и кимров, но кимры – уж точно не германцы) и взял уцелевших в плен. Сколько было этих уцелевших, ставших рабами, сказать нелегко, Тит Ливий сообщает о 90 тысячах пленных, другие же, не столь патриотичные историки говорят о куда меньших цифрах. Однако «свое время» – это 102 год до Р.Х., то есть тридцать лет до восстания Спартака. Тевтоны-рабы, помнившие родину (те, кто дожил), были уже стариками. И опять таки – 30 тысяч боеспособных мужчин! Ну, пусть не тридцать, пусть несколько меньше... Жестокая практика войны предполагала, что в плен берут как правило женщин и детей, мужчин же беспощадно режут. Так и было – Плутарх пишет, что прахом убитых тевтонов удобряли виноградники. Откуда в войске Спартака германская орда?

Но – предположим. Так что же удержало германцев в Италии? Почему не ушли, почему не попытались пробраться на далекую родину? А ведь не ушли! «Германский отряд» (иной перевод: «германская часть войска») продолжал сражаться вместе со Спартаком. Это и был отряд Ганника, погибший у горы Каламации, в лагере которого нашли пять римских Орлов. Правда, после его разгрома римляне, кажется, разобрались с этнической проблемой. «Германцами» бойцов Ганника, по происхождению галла, почему-то никто не называет.

Как бы то ни было, германцы, если они непонятным образом все же оказались в войске Спартака, тоже не спешат на родину. Запомним и это. Но даже если вывести мифических германцев за скобки, вывод из странного поведения остальных очевиден:

Спартак и спартаковцы НЕ СТАВИЛИ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ ОСВОБОЖДЕНИЕ РОДНЫХ ЗЕМЕЛЬ, хотя такую возможность имели. Значит, их цель была в чем-то другом.

А может, фракийцы были какие-то не те фракийцы? И галлы – не совсем галлы? А уж германцы!..

6. Очень странные гладиаторы.

Держать в рабстве человека опасно.

Римляне, матерые рабовладельцы, знали это твердо. «Сколько рабов – столько врагов» – из их фольклора. Свободный человек, попавший в рабство, далеко не всегда смирялся. Родившийся в рабстве помнил о свободе своих предков, пускай это были прадедушки и прабабушки. Попадались и смирившиеся, но такие становились опаснее прочих – вместе с любовью к свободе они теряли и остатки личности. Эти били в спину первыми – как только находился предлог.

Били в спину – не преувеличение. Хозяев убивали, причем настолько регулярно, что римляне приняли специальный закон, карающий смертью ВСЕХ рабов, находившихся в доме в момент убийства. Но хозяев все равно резали. Во времена Нерона раб убил префекта Рима, то есть коменданта города. Четыре сотни рабов, живших в доме убитого, были казнены. Но хозяев все равно убивали. Тому же Нерону горло перерезал раб. Говорят, по его просьбе, только вот свидетелей не осталось.

Рабы не только убивали. Предавали тоже – скажем, во время репрессий, когда хозяева пытались прятаться. Несколько десятков знатных римлян, пытавшихся бежать или скрыться во время проскрипций Суллы, были выданы на смерть собственными невольниками. Через полвека, уже во времена Второго Триумvirата, репрессии повторились, и вновь – та же картина: предавали, предавали, предавали... И в спокойное время предавали. Скажем, могли сообщить «куда надо» про неосторожные слова господина в адрес очередного Калигулы или Домициана.

Рабы не только предавали, они еще наводили на господ порчу. Археологи нашли тысячи свинцовых табличек с заклятиями в адрес хозяев. Если даже десятая часть этих проклятий сбылась, господам не позавидуешь. Впрочем, ненависть и сама по себе весьма ядовита.

А то, что рабы воровали, обманывали и объедали хозяев, били их лошадей и собак, плевали в подаваемые на стол блюда, было вообще делом обыденным. Бытовым, так сказать.

Сочувствовать римлянам не стану – и никому не советую. За рабство следует платить.

Это я к чему? А к тому, что римляне не особо удивлялись очередной пакости со стороны рабов. И побегам не удивлялись, и разбоям, и восстаниям. И даже войнам. Не только не удивлялись, но четко фиксировали, с чем имеют дело. Любовь римлян к ясным юридическим формулировкам известна. Скажем, если сотня рабов спалила бунгало (то есть, конечно, виллу) очередного сенатора и убежала в лес разбойничать – это восстание или бунт. А вот если рабов побольше – уже война. Был даже термин: «рабская война» (*bella servillia*).

Примеры:

В войске Секста Помпея, воевавшего против Антония и Гая Октавия, было много беглых рабов. Сам Секст Помпей не раб, он сын Гнея Помпея Великого, но война с ним – рабская война. Так и записали.

Много рабов было в войске Аникета. Аникет – бывший наварх, то есть командующий флотом, царства Понт. В 69 году от Р.Х. он попытался освободить свою родину от римлян, для начала уничтожив римский гарнизон в Трапезунте. Казалось бы типичное восстание покоренного народа против благодетелей-римлян, но в Риме четко фиксируют: рабская война.

Не уверен, что в этих двух случаях римляне были правы, но рассуждали они именно так.

Восстание Спартака с этой точки зрения должно было считаться типичнейшей рабской войной, так сказать, хрестоматийной, примером для римских юристов. Должно было – но не считалось. Ее так действительно называли, но далеко не всегда, а если и называли, то с важными оговорками. Вот, скажем, Орозий рассуждает так:

«Стала угрожать эта война с беглыми рабами, или, сказать правильнее, с гладиаторами».

Казалось бы, какая разница? Гладиаторы – тоже рабы! Но нет, разница есть. Уже известный нам Флор в большом сомнении:

«Каким именем назвать войну под начальством Спартака, я не знаю».

Как видим, не просто сомневается, а не знает, как назвать. Почему? А вот почему:

«Когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения, они своими издевательствами увеличили бедствия римлян».

Понятно? Честно говоря, не очень. Насчет издевательства все более-менее ясно, ясно и то, что в войне командовали именно гладиаторы. И развязали войну гладиаторы. Но почему они отдельно, а «просто» рабы – тоже отдельно? Одни «люди низшие», другие «наименее заслуживающие почтения», – странно звучит, правда? Выходит, гладиаторы почтения не заслуживают, но низшими по положению людьми их все же не назовешь.

Итак, Флор не знает, а вот Аппиан знает точно. Знает и пишет: «война с гладиаторами». Не с рабами!

На первый взгляд, нелогично. И не только потому, что гладиаторы – тоже рабы. Нелогично по той причине, что гладиаторы, сколько бы их ни было, это меньшинство в войске Спартака. Тот же Аппиан утверждает, что памятным летом 72 года до Р.Х. в войске Спартака насчитывалось 120 тысяч только пехотинцев. Сколько среди них гладиаторов? Ясное дело, не половина, не треть, и даже не четверть. На Рим наступали главным образом самые обыкновенные рабы вкупе с прочим сбродом («сбродом» в римском, ясное дело, разумении).

Однако, понять Флора и Аппиана все же можно. Флор поясняет: «гладиаторы стали предводителями». Ясно? Ежели не очень, поясню на уже известных примерах.

Война с Секстом Помпеем – рабская война, но противник все же Секст Помпей. Рабы – лишь инструмент, «пушечное» (скажем точнее – катапультное) мясо. И война с Аникетом – рабская война, но враг все же Аникет. Рабы – часть его войска, но руководят не они, а бывший адмирал понтийского флота. Конечно, надо иметь римскую любовь к точным формулировкам, чтобы отмечать такое, но за этой казуистикой прячется главное. И в этом главном – суть сомнений того же Флора, не знавшего, как назвать войну.

Своим врагом римляне считали не «просто» рабов, а ГЛАДИАТОРОВ. Именно в этом нюанс. Нюанс – а также источник недоумения, даже растерянности. Рабские войны Рим знал и ничуть этим войнам не удивлялся, а вот война с гладиаторами была чем-то неожиданным. И не просто, как мы дальше увидим, неожиданным.

И вновь следует удивиться – вслед за римскими историками, но по другой причине. С детства, со школьного учебника, мы знаем, что гладиаторы – не просто рабы. Они рабы-смертники. По сути, их уже приговорили, только приговор им приходится исполнять самим – на арене. Если уж кому восставать, то именно гладиаторам. Терять-то нечего, кроме своих цепей и смертного приговора. Ну, совершенно нечего!

Между прочим, именно в таких выражениях Спартак подбивал на восстание своих товарищей. Тот же Аппиан сообщает:

«Этот Спартак уговорил около 70 человек из числа своих товарищей-гладиаторов пойти даже на крайний риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей».

Уговаривал и, как мы знаем, уговорил. Иное дело, и это мы уже тоже знаем, свобода в понимании Спартака была свободой умереть. Умереть – но не на арене. Логично? С нашей

точки зрения – да, а вот с римской – не очень. Римляне лучше нас с вами знали свою историю. А вся история Рима свидетельствует о том, что восстание Спартака было единственным восстанием гладиаторов.

ЕДИНСТВЕННЫМ!

Оговорюсь: известны еще две такие попытки. При Нероне (I век от Р.Х.) в городе Пренесте в одной из казарм взбунтовались гладиаторы. Бунт был подавлен охраной без привлечения дополнительных сил. Еще один раз бунтовали гладиаторы при императоре Пробе (III век от Р.Х.). Эту попытку охрана также пресекла в зародыше. Вырваться из школы гладиаторам все же удалось, но охрана подоспела и перехватила. То, что эти бунты были подавлены внутренней охраной казарм, говорит об их незначительности. Гладиаторы – профессиональные убийцы. Дрались они без сомнения лучше, чем их охрана. Похоже, эти неудавшиеся попытки были обычными тюремными бунтами без всякой подготовки, а возможно и цели. Скажем, мясо завезли несвежее, с белыми червяками – как на «Потемкине». Будь все иначе, римляне бы не отделились легким испугом.

Итак, одно восстание и два неудавшихся бунта. Все!

Между прочим хваленные римские легионы восставали с завидной регулярностью. А ведь дисциплина в военном лагере, по крайней мере в теории, должна быть не менее строгой, чем в гладиаторской казарме.

Легионеры бунтовали. Гладиаторы – нет. Желаящие могут, конечно, проверить, но результат заранее гарантирую. САМИ гладиаторы почти никогда не восставали. «Просто» рабы (пастухи, невольники с виноградников, домашняя обслуга, трудяги с рудников) – сколько угодно, а вот гладиаторы – нет. Более того, ни в одной известной «чисто» рабской войне (скажем, в обоих сицилийских восстаниях), гладиаторы НЕ ЗАМЕЧЕНЫ. Ничего удивительного, что римские историки весьма удивлялись и не могли понять.

Главная же причина этого непонимания в том, что гладиаторы (да, рабы, да, смертники, да, мясо для арены) все же не считались «просто» рабами. Вспомним: «первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения...» Итак, гладиаторы почтения не заслуживают. Это ремесло презираемо, но гладиаторы – не просто рабское стадо. Они...

А кем, собственно говоря, были гладиаторы в глазах римлян?

О глубинных корнях явления – позже, но с чисто внешней стороны дело выглядит следующим образом. Представим себе, дорогой читатель, что в Интернете появилось сообщение:

«В городе Капуя (штат Иллинойс) в школе восточных единоборств, специализирующейся на боях без правил, раскрыт заговор. Во главе заговора – некто Джон Спартак, болгарин по происхождению, дезертир американской армии, отсидевший за это десять лет в каторжной тюрьме. Большая часть заговорщиков арестована, но около семидесяти каратистов и ушуистов, вооруженных нунчаками, ушли из города и сейчас пробираются на юг, в болота Миссисипи. По пути они разоружили несколько полицейских патрулей. Национальная гвардия поднята по тревоге. Причины и цели заговора непонятны. По некоторым данным Джон Спартак заявил, „что это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей“. Полиция взяла под охрану все школы восточных единоборств в стране».

Ну как, впечатляет? А ведь в глазах римлян все выглядело именно таким образом. Конечно, школы и клубы восточных единоборств, даже связанные с подпольным тотализатором, не гладиаторская казарма. И каратист-ушуист, пусть и скованный «железным» контрактом – не раб. Но положение в обществе (опять-таки подчеркну – чисто внешне) они занимали одинаковое. И вот пишет американский журналист Джимми М. Флор статью. Пишет, поражается: «Каким именем назвать войну под начальством Спартака, я не знаю». И в самом деле – не знает, и все другие – не знают.

Итак, с точки зрения римлян, гладиаторы не «просто» рабы, а отдельная корпорация. Презираемая – но не «низшая». «Просто» рабы восстают часто, гладиаторы – почти нико-

гда. Еще точнее – восстали единственный раз, при Спартаке. А вот почему такое случилось и вправду очень интересно.

Интересно это еще по одной причине. Гладиаторы вовсе не были мирными овечками, а точнее баранами, спокойно бредущими под мечи своих же товарищей. Если можно было с арены уйти, они охотно это делали. Более того, мы видим их, причем видим очень часто, не только на арене, но и в самой гуще драки. А иногда и войны.

Примеры:

Вскоре после восстания Спартака римский авантюрист Катилина решил захватить власть. В Этрурии он начал собирать войско, и в этом войске оказалось немало гладиаторов. Войско было разбито. Гладиаторы сражались до конца.

Немногим позже в Риме прославился еще один авантюрист по имени Клодий (тот самый, из-за которого Цезарь развелся с женой, ибо жена Цезаря должна быть выше подозрений). Клодий не только компрометировал чужих жен, он активно занимался политикой. Политиком он был деятельным – устраивал драки на римских улицах, избивал конкурентов, срывал выборы и, вообще, безобразничал. Так вот, его личная охрана – гладиаторы.

Против Клодия его противники выставили другого оторви-голову – Милона. Тот тоже окружил себя гладиаторами. В конце концов охрана Милона напала на охрану Клодия, и тот был убит. Как видим, гладиаторы – в первых рядах гражданской смуты. Они бьют, режут и даже сражаются на поле боя против регулярной римской армии.

...И не только сражаются. Бывали случаи, когда гладиаторы ОБУЧАЛИ римских солдат боевым приемам. Скажем, в 106 г. до Р.Х. они служили инструкторами в армии консула П. Рутилия Руфа.

Примеры можно множить и дальше, однако, уже ясно: гладиаторы не жалеют своих и чужих жизней, выступая в качестве... Трудно подобрать слово? По-моему, не очень: в качестве наемников. А еще точнее, **НАЕМНЫХ УБИЙЦ**.

Интересно, что ни в одном из указанных случаев (и в неуказанных тоже) гладиаторы не предавали хозяев. В этом их отличие от «просто» рабов. Гладиаторам верят, им дают в руки оружие и позволяют защищать спину «босса». Перед лицом опасности гладиаторы не бегут, а дерутся до конца.

Не будем особо удивляться. Представим себе заметку в том же Интернете: «Авторитет Миша Слон из Солнцевской группировки окружил себя охраной из каратистов и ушуистов, до этого много лет участвовавших в чемпионатах по боям без правил». Как видим, ничего особенного. А если мы прочитаем, что охрана Миши Слона защищала его до последней капли крови при разборке с каким-нибудь Петей Носорогом, тоже не удивимся. Привычное дело! Вот и римляне не удивлялись гладиаторам в личной охране политиков или в рядах армии очередного «спасителя отечества». И гладиаторам-инструкторам в римской армии тоже не удивлялись.

А вот гладиаторам в войске Спартака удивлялись, да так, что даже не знали как правильнее эту войну назвать. Часто ее так и именовали – войной со Спартаком или Спартаковской войной. То есть, Спартак – враг, а при нем его гладиаторы.

Между прочим, этот факт вдребезги разбивает весьма распространенное убеждение, будто Спартак был своему войску не хозяин. У Джованьоли вождь устраивает настоящий референдум на тему уходить из Италии или нет. Войско голоснуло за то, чтобы остаться – и Спартак послушался. Не Джованьоли это выдумал – у Плутарха и Аппиана мы тоже можем прочесть о том, что восставшие «не захотели», «раздумали» или «не послушали» вождя. Моммзен даже утверждает, что Спартак был всем хорош, а вот войско до его уровня не дотягивало. И марксисты любили сплошь и рядом поминать «стихийность» таких восстаний.

При обычном бунте подобное бывает сплошь и рядом. Бунтовщики – нечто иное по сравнению с регулярной армией. Но вспомним: «гладиаторы стали предводителями». Итак, армейские низы – это действительно беглые рабы и всякие бродяги-люмпены. Эти и в самом деле

– не стойкие дисциплинированные бойцы, но над ними стоят гладиаторы, костяк повстанческой армии. Гладиаторов же в их казармах и школах хорошо выучили, как подчиняться и КАК ЗАСТАВИТЬ подчиняться прочим. А над гладиаторами стоит Спартак и отдает приказы. Ничего «стихийного» в действиях Спартака не было. Вспомним:

– Вначале был глубоко законспирированный заговор.

– Затем несколько десятков беглых гладиаторов за год организовали десятитысячную армию.

– Эта армия в течение двух лет совершала сложнейшие маневры, причем римские войска ей в этом уступали.

– Пять римских Орлов тоже вспомним.

Так где же тут стихийность? Ее и не было. Гладиаторы, подчинявшиеся приказам Спартака, и обеспечивали отсутствие таковой. А для того, чтобы оценить уровень дисциплины у спартаковцев, еще одна цитата, на этот раз из Плиния Старшего:

«Спартак запретил в своем лагере кому бы то ни было иметь золото и серебро. Настолько выше было у наших беглых рабов благородство души».

Оценили? «Благородство души» – это, конечно, лирика, но вот остальное...

Зима 73-72 годов до Р.Х. Войско Спартака стоит у города Фурии. Спартаку нужны средства для покупки и изготовления оружия, и он ЗАПРЕЩАЕТ своим бойцам оставлять себе захваченное при грабеже золото и серебро. А те вместо того, чтобы заорать: «За что боролись?» и разбежаться, выполняют приказ и драгметаллы сдают. Не верите?

Аппиан:

«Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запрещал купцам, торговавшим с его людьми, предлагать вещи из золота и серебра, а своим – покупать их. Они покупали только железо и медь за дорогую цену, и тех, кто приносил им эти вещи, не обижали. Приобретая таким путем нужный им материал в большом количестве, они хорошо вооружались и часто, чтобы опустошить страну, выходили на грабеж. Сражаясь снова с римлянами, они побеждали их и, нагруженные добычей, возвращались к себе».

Как видим, золотишко-серебришко нельзя не только оставлять себе, но даже прикупать. Спартаковцы приказ понимают правильно, ходят грабить округу, возвращаются, нагруженные добычей – и тут же самое ценное из добычи отдают в «общак». Читатель, это похоже на порядки в шайке? Бандиты действительно скидываются в «общак», но чтобы отдавать ВСЕ золото и серебро! Интересно, что ценного кроме золота с серебром мог притащить в лагерь нагруженный добычей спартаковец? Ну, амфору цекубского, ну, плащ с пятнами крови на спине.

Итак, с дисциплиной у Спартака все было в полном порядке, его приказы выполнялись, причем такие, какие не всякий современный генерал решится отдать солдатам на войне. Представьте себе, к примеру, горящий Грозный, неровный строй уцелевших морпехов – и радостный приказ старшего: «А теперь вывернем-ка карманчики, братва!»

Иное дело, противоречий в армии Спартака действительно хватало. Но причины их, как еще мы увидим, совсем-совсем другие.

Так неужели гладиаторы в войске отважного фракийца были просто НАЕМНИКАМИ? А как же, извините, свобода? А как же «благородный характер, истинный представитель античного пролетариата»? Выходит, великолепный парень, в полном соответствии с римскими традициями набрал себе банду из сорви-голов и отморозков и для чего-то водил ее несколько лет по всей Италии? Правда, в этом случае понятно, почему никто из отважных гладиаторов не просился домой – ни во Фракию, ни в Галлию. Люди были НА СЛУЖБЕ. Точно так же несколькими годами позже гладиаторы из армии Катилины не просили распустить их по хатам. Их наняли, и они были готовы сражаться. До смерти – как на арене.

Вот только по-прежнему непонятно зачем это было нужно Спартаку? Какой была его истинная цель? Катилина, к примеру, хотел власть в Риме захватить, Ганнибал не уходил из Италии, помогая родному Карфагену. А Спартак? Если же не сам он сие придумал, если цель войны не им поставлена, то, простите, кем тогда? Кто это замыслил, кто ОПЛАЧИВАЛ? Война – дело очень накладное, а тут еще и золотишко хранить запрещают...

Дорогой читатель! Винюсь – увлекся я, с Карлом Марксом споря. Для столь категоричных оценок данных у нас пока что мало, поэтому будем по-прежнему считать, что цели Спартака были весьма благородные. Вот только непонятно какие.

Но гладиаторы все-таки были странными. Даже очень.

7. И еще три загадки.

Рядом с этими загадками – другие, большие и маленькие. Возьмем навскидку три из них и начнем с самой небольшой.

Спартак был женат – по крайней мере так утверждает Плутарх. Не знакомых с текстом древнего грека, но читавших Джованьоли этот факт удивит, однако история с супругой Спартака не менее романтична и таинственна, чем выдуманная итальянским писателем сказка о любви гладиатора и вдовы Суллы. Итак...

Плутарх:

«Говорят, что когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, ему приснился сон, будто змея обвилась вокруг его лица. Жена Спартака, его соплеменница, пророчица и одержимая дионисовским вдохновением, предсказала, что это знак великого могущества, грозного для него по своему несчастному концу. И теперь она также была вместе с ним и вместе бежала».

Змею и пророчества пока оставим в стороне, а вот остальное оценим. Спартак, дезертировавший из римской армии и ставший разбойником (вариант – идейным борцом против Рима) попадает в плен. Причем попадает в плен не один, а со своей супругой, иначе бы их вместе не выставили на продажу. Кто конкретно купил Спартака и куда отправил, мы не знаем, известно лишь что через какое-то время он оказался в Капуе в школе гладиаторов Лентула Батиата. А в качестве кого туда попала его жена?

Гладиаторская школа – это тюрьма, самая настоящая, с одиночными камерами, замками и решетками. Утром гладиаторов выгоняют из камер, вечером загоняют обратно и запирают. Никаких поблажек не предусмотрено, хотя бы потому, что это опасно – как в любой тюрьме. И гладиаторских жен вместе с ними не содержали – до подобного гуманизма римские рабовладельцы не доросли. Так что делала жена Спартака в гладиаторской казарме? Похлебку варила? А ведь по мнению Плутарха она находилась именно там. Бежали-то вместе!

Представим себе сцену: Рим, невольничий рынок, покупатели щупают мускулы и пересчитывают зубы выставленным на продажу бедолагам. Вот хозяин гладиаторской школы, по-римски – ланиста, а перед ним – пленные фракийцы. «Вене, вене!» – приговаривает ланиста, отбирая парней покрепче. Вот и Спартак. Ланиста окидывает его оценивающим взглядом, щупает бицепсы... «Нет! – кричат стоящая тут же супруга будущего героя. – Только вместе! Покупайте нас вместе!» Ланиста достает кошель, разводит руками. Раб стоит денег, и денег немалых. Обычного молодого парня без особых достоинств можно прикупить за восемьсот сестерциев. И девушку можно купить почти за столько же – или на сотню дороже. Грамотный раб – это уже три-четыре тысячи. А вот будущий гладиатор, который может принести хозяину немалый барыш, тянет тысяч на пять. Ланиста ради будущей покупки деньжат подзаянл – и под солидный процент, каждый сестерций на счету. Повариху он бы еще купил, похлебку и вправду надо готовить. Но жрицу... «Только вместе! Только вместе!» – кричит несчастная женщина...

Читатель, тебе это ничего не напомнило? А вот мне напомнило – читанную в детстве «Хижину дяди Тома» миссис Бичер-Стоу. Увы, рабство – всюду рабство, и в античном Риме, и в звездно-полосатом оплоте демократии.

Так как вы думаете, сжалился ланиста над несчастной? Прикупил жрицу?

Спартак был гладиатором не один год, иначе бы не пользовался таким авторитетом среди товарищей. А жизнь гладиатора – это постоянные переезды, выступления на арене, переходы из одной школы в другую. Гладиаторов продавали, обменивали, дарили. Выходит, эта таинственная дама всюду сопровождала мужа, чтобы в конце концов оказаться в школе Лентула Батиата? Все, что мы знаем о жизни рабов в Риме, а особенно рабов-гладиаторов, свидетельствует:

такое едва ли возможно. Написал бы «невозможно вообще», но не стану. Мало ли, вдруг некое чудо? Все-таки одержимая дионисовским вдохновением да еще пророчица!

К этой пророчице, да и к самому пророчеству, нам еще придется вернуться. Пока же загадка номер два.

Аппиан:

«Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал».

Лето или ранняя осень 72 года до Р.Х. Спартак ускоренным маршем движется с севера Италии на Рим. Впереди – Пицен, там его ждет римская армия. Спартак победит и на этот раз, но пока он об этом не знает. Зато знает другое – столицу римляне будут защищать до конца. И вот в момент, когда требовалось любой ценой свою армию усилить, а вражескую ослабить, Спартак не принимает перебежчиков!

Такое, мягко говоря, нелепо, более того – глупо. Вспомним хотя бы Вторую мировую. Представим себе лето 1942-го, окопы где-нибудь под Ржевом, грузовичок с раструбом-громкоговорителем, а из этого раструба в сторону русских позиций так и льется: «Товарищи! Ребята! Я сержант Вася Пупкин добровольно перешел на сторону победоносной немецкой армии. Меня хорошо кормят. Немецкая тушенка вкуснее нашей. Товарищи! Следуйте моему примеру и вам тоже выдадут вкусную тушенку!»

Представили? И не думайте, что призыв мерзавца Васи Пупкина так уж безобиден. Едва ли в ответ на его вопли весь взвод поднимет белый флаг, но... Но в этот день тушенку на русские позиции как раз не подвезли, в животах у красноармейцев хор Александра поет, и вот уже косится какой-нибудь неосознательный боец на Ваньку-взводного, про себя нехорошие слова шепчет...

Про тушенку это я так, для простоты примера, обычно кричали про вещи куда более серьезные. Но принцип все тот же – и цель та же. А цель ясна и понятна: подрыв боевого духа противника. Недаром по таким установкам лупили из пушек, а перебежчиков, если таковых удавалось отловить, расстреливали без всякой жалости.

А теперь смоделируем ситуацию. Предатель Вася Пупкин, воспользовавшись тем, что напарник-постовой задремал, мелкими зигзагами бежит к немецким окопам, размахивая портянкой (по причине отсутствия носового платка). Пока Ванька-взводный, матерясь и плюясь, наводит ППШ, предатель Пупкин уже перевалил за немецкий бруствер. Однако немцы в тычки выкидывают Пупкина из окопа, костыляют по шее и гонят назад, дав для остротки пару очередей над головой. Как вы думаете, захотят ли после этого потенциальные Пупкины следовать его примеру? А ведь Аппиан пишет, что перебежчики приходили к Спартаку «во множестве». «Во множестве» – это не десять и не сто, это больше. Чего же еще мог хотеть Спартак перед битвой с римской армией?

Мудрые историки разъясняют, что под перебежчиками Аппиан скорее всего имеет в виду свободных людей, которым Спартак, естественно, не вполне доверял. Убедительно? Как по мне, совершенно неубедительно.

Прежде всего, в войске Спартака свободных хватало. Тот же Аппиан чуть ниже пишет: «Его войско состояло из рабов-перебежчиков и всяких попутчиков». Итак, в войске восставших есть рабы, убежавшие от хозяев и некие «попутчики», а это кто угодно, но не рабы. О свободных в составе спартаковской армии пишут и другие, причем пишут немало. И вот перед решающей битвой Спартак почему-то перестает принимать в свое войско этих «попутчиков»! С чего бы это? Ведь свободные приходили в его армию с самого начала, когда Спартак только начал одерживать первые победы. Вот тогда в верности всяких перебежчиков и в самом деле можно было усомниться. Кто знает, как поведут они себя после первого же поражения? А летом и осенью 72 года до Р.Х. ситуация изменилась. Армия Спартака – армия победителей. Ясное

дело, все потенциальные сержанты Пупкины в римской армии уже чешут затылки. И всякие «попутчики» из числа братьев-разбойничков чешут, и просто недовольные римской властью – тоже. Оказаться в армии победителей, особенно когда Спартак идет прямо на Рим, куда почетнее и просто безопаснее. Достаточно вспомнить, как летом 1944 года партизанские отряды в Белоруссии прямо-таки разбухали не только за счет выползших из лесных нор дезертиров, но и от всяких «раскаившихся» полицаев и старост. Еще бы! Красная Армия уже двигались на Минск!

Ясно, что осенью 72 года от Р.Х. Спартак имел куда больше оснований верить тем, кто перебежал в его армию, чем полугодом раньше. К тому же теперь к спартаковцам переходила не просто всякая шваль, а солдаты римской армии – иного значения слово «перебежчик» просто не имеет. Перебежали – а Спартак почему-то совсем не рад.

И кроме того, никто не требовал от Спартака, чтобы он доверял перебежчикам – ни частично, ни «вполне». Перебежчикам вообще никогда не доверяли. И не доверяют, и доверять никогда не станут. Того же Васю Пупкина немцы лупят смертным боем в перерывах между сказками о тушенке, а через несколько дней попросту отправят в концлагерь или расстреляют. Перебежчиков ставят в первые ряды перед битвой, подпирая спину копьями, дабы назад не повернули, а то и вообще не пускают в бой, заставляя носить в воду лошадям. Перебежчика можно отвести в кусты и зарезать, после того, как он вышел к валу римского лагеря и проорал про то, что спартаковцы его хорошо кормят и не обижают. Труп же в полном легионерском прикиде полезно привязать к колу, дабы изображал несуществующего часового – как Спартак в ряде случаев и поступал.

Но гнать обратно-то зачем?

Итак, римская армия перед решающей битвой разбегается, но Спартак этот процесс железной рукой пресекает, отправляя дезертиров обратно. Интересно, правда?

И, наконец, загадка третья, но уже не военно-психологическая, а чисто стратегическая. Целые тома написаны о том, почему Спартак, разбив консульские армии, не ушел из Италии, но куда меньше историков заинтересовала иная загадка: регийское «сидение» спартаковской армии осенью и зимой 72 года до Р.Х.

Плутарх:

«А Спартак мало-помалу уходил через Луканию к морю. Встретив в проливе киликийские пиратские суда, он решил переправиться в Сицилию и, перебросив на остров 2000 человек, возобновить войну сицилийских рабов, только недавно погасшую и требовавшую немного горючего материала, чтобы снова вспыхнуть. Киликийцы сговорились со Спартаком, но, взяв договоренные подарки, обманули его и уплыли. Тогда он, снова повернув от моря, расположил войско на Регийском полуострове. Красс, подойдя сюда и видя, что сама природа места указывает, что нужно делать, поспешил перерезать стеною перешеек... Сначала Спартак не обращал внимания на эти работы, относясь к ним с презрением. Когда же, чувствуя недостаток в провианте, он пожелал идти вперед, то увидел себя окруженным стеною и лишенным возможности получить что-либо с перешейка. Тогда, выждав снежную и бурную ночь, Спартак приказал засыпать небольшую часть рва землей, деревьями и сучьями и перевел через него третью часть своего войска...»

Флор ко всему этому добавляет:

«Там, запертые в бруттийском углу, они стали готовиться к бегству в Сицилию и, не имея лодок, напрасно пытались переплыть через бурный пролив на плотках из бревен и на бочках, связанных ветвями...»

Марш Спартака на Регийский полуостров, и долгое «сидение» там совершенно непонятны, тем более с учетом того, как блестяще он провел летнюю кампанию. Вспомним, что произошло непосредственно перед этим. У римской армии, пополненной чрезвычайной мобилизацией, появился новый командующий – Марк Красс. Он сумел навести в армии порядок и уже несколько раз серьезно потрепал спартаковцев. Спартак наверняка понял, что встретился если не с равным, то по крайней мере с соразмерным противником. С таким воевать следовало еще более умно, расчетливо и хитро. Опыт же войны показал, что Спартак переигрывал римских полководцев прежде всего в маневре. На узком сапоге-Италии он умудрялся делать почти невозможное – обгонять римские войска на марше, обходить их, бить по частям, оказываться там, где его не ждут...

...Что после него великолепно проделывали Суворов, Бонапарт и Ковпак.

И что же? Перед лицом нового сильного противника он уходит на «носок» итальянского сапога и сидит там осень и часть зимы. Сидит, терпеливо ожидая, пока римляне строят свою «линию Мажино»! А ведь он не мог знать, что прорыв зимней ночью через укрепления будет непременно удачным. Но вот то, что из Испании уже отзывают Помпея с его армией в помощь Крассу – знал наверняка. Итак, Спартак терпеливо сидит у Мессенского пролива. И все из-за чего? А все из-за десанта в Сицилию, для того, чтобы высадить там две тысячи человек.

Я понимаю, что Плутарх не был профессиональным военным. Странно, однако, что римские военные, чьи труды он явно читал и использовал, охотно повторяли эту чушь. Чушь они повторяли часто, Аппиан, профессиональный военный, изрек, например, такой перл (вторя цитированному выше Флору). Красс, оказывается, преследовал Спартака «отступающего к морю с целью переправиться в Сицилию». Хорошо бы Аппиану подсчитать, сколько кораблей понадобилось бы Спартаку, дабы переправить его стотысячную (пусть даже пятидесятитысячную!) армию через пролив, да еще имея в тылу Красса! Штатский интеллигент Плутарх все-таки больший реалист, сообщая о подготовке десанта числом в две тысячи.

Аппиан вообще пишет немало ерунды. Но об этом – в свой черед.

Я лично никак не могу согласиться с профессиональным военным Аппианом, а заодно и с Флором с его «бегством на Сицилию». Даже с Плутархом – тоже не могу. И вот почему.

Прежде всего, на Сицилии Спартака ждали, и вождь восставших не мог не догадываться об этом. На Сицилии уже ДВАЖДЫ вспыхивали рабские восстания, поэтому римляне серьезно подготовились.

Слово свидетелю и современнику – Марку Туллию Цицерону:

«Но именно этому обстоятельству эта провинция обязана своей сравнительной безопасностью и в прошедшем, и в настоящем. С того самого времени, как Маний Аквиллий оставил Сицилию, все распоряжения и эдикты наместников имели в виду обезоружение рабов... Когда Л. Домиций был наместником Сицилии, ему принесли огромного вепря; он с удивлением спросил, кто его убил; отвечают – пастух, раб того-то, он велит его призвать; тот поспешно прибегает к наместнику, ожидая себе похвалы и подарка. Домиций его спрашивает, как он убил такого зверя; тот отвечает, что дротиком. Наместник немедленно приказывает его распять...»

Ясно? И Цицерону было ясно, и всем другим – тоже. Сицилия считалась особо опасной провинцией в которой были приняты ОСОБЫЕ меры безопасности. Что смог бы сделать небольшой спартаковский десант в этих условиях? Но даже если бы смог – что толку? На Сицилии начались бы многодневные бои, десанту понадобились бы подкрепления, значит Спартаку пришлось бы постоянно ослаблять свою основную армию. Красс же в это время строит «линию Мажино», и армия Помпея, как Чип и Дейл, спешит ему на помощь...

А потерей римляне Сицилию, что бы случилось? Да ничего особенного. Они уже теряли ее дважды – во время сицилийских восстаний. Теряли – и не на один год, однако без сицилийского хлеба никто в Риме от голода не умер, и угнетенные всех римских провинций не восстали, проклятьем заклеянные, в едином порыве.

С точки же зрения стратегии уход Спартака, скажем, с половиной армии на остров для Рима – подарок судьбы. Была целая армия – осталось половина, значит шансы Красса возрастают ровно вдвое. А уйди (по морю, яко по суку) спартаковцы на Сицилию целиком, что с того? Сицилия – не Галлия и не Фракия, сидя на ней Рим не сокрушишь и даже не уйдешь в германские леса. Война в Италии закончится, все успехи Спартака в борьбе с консульскими армиями пойдут насмарку, римляне вздохнут с облегчением, римский флот начнет блокаду острова... Регийский полуостров – западня, но с шансами на спасение. Остров, окруженный водой – стратегическая могильная яма.

Неужели стратег Спартак всего этого не понимал?

Но прежде чем поразиться слепоте стратега Спартака, немного подождем. Подождем, окинем орлиным взором всемирную историю. Ведь все уже случалось в этом мире, прав Экклезиаст. Случалось, случается, случится...

Не знаю, какие ассоциации пришли на ум вам, дорогой читатель, а вот мне вспомнились события другой зимы – 1940–1941 годов. Германская армия стоит у Ла-Манша, разведки всех стран, включая СССР, получают данные об операции «Морской лев» – десанте в Британию. Немцы не просто стоят, они собирают флот, отрабатывают высадку, запасаются англо-германскими разговорниками с фразочками типа: «А не подскажете ли вы, сэр, как нашей танковой колонне лучше подъехать к Манчестеру?».

Вспомнили? И чем все кончилось – вспомнили?

Спартак тоже готовится. К примеру, ведет переговоры с пиратами, которые почему-то проявляют странную солидарность с римлянами, посылающими против этих самых пиратов карательные экспедиции. Или пенители морей труса спраздновали? Денежки взяли, а сами – огородами к Котовскому? Есть, правда мнение есть, будто пиратов подкупили (вернее, перекупили), что очень хорошо показано в американском фильме «Спартак». Но ежели один капитан Блад римлянам продан, почему бы другого не кликнуть? Пиратов на море тогда было – не счесть. Ну, разве чуток поменьше, чем в наши дни.

Ладно, с пиратами не вышло – Спартак бочки связывает, плоты готовит. Это вроде тех барж с Рейна, что немцы в Кале гнали по зимней волне. Только вот беда – бочки бурей унесло. Ничего, новые свяжем, мы в азарте-кураже, на Красса с его армией даже не смотрим. Операция «Морской...», прошу прощения, «Сицилийский лев» вот-вот начнется...

Между прочим, Красс, в отличие от Флора и Аппиана, не очень верил в этого «Льва» потому и строил укрепления. Сенат римский тоже не верил, зовя на помощь Помпея, и Помпей не верил, потому и гнал своих ветеранов в Италию. Даже штатская штафирка Цицерон не очень верил. Судили однажды Верреса, который был наместником Сицилии как раз в это время. Тот суду про свои заслуги, мол, Спартака на остров не пустил, а златоуст Марк Туллий ему в ответ:

«Ты утверждаешь, что твоей доблестью Сицилия спасена от невольнической войны... Он, изволите ли видеть, помешал беглецам перейти из Италии в Сицилию. Где? Когда? В каком месте? Они стало быть сделали попытку пристать к ее берегам на плотках или на кораблях? Ничего подобного мы не слыхивали... „Все же остается в силе факт, что война бушевала в Италии на таком близком от Сицилии расстоянии, а в Сицилии ее не было“. Что же тут удивительного? Точно так же и тогда, когда она бушевала в Сицилии на таком же расстоянии от Италии, она не перешла в Италию... Доступ был этим людям не только затруднен, но и прямо отрезан вследствие полного недостатка в кораблях, так что эти твои соседи Сицилии легче могли достигнуть берегов

океана, чем высадиться у Пелорского мыса; что же касается заразительности невольнической войны, то объясни мне, почему ссылаешься на нее именно ты, а не наместники всех прочих провинций?»

Цицерон в «Сицилийского льва» не поверил. И суд не поверил. Веррес же в конце концов признал себя виновным, не стал в тогу Спасителя Отечества рядиться.

Итак, Спартак римлян сицилийской высадкой пугает, а те почему-то не боятся. Прозорливыми римляне оказались – не в пример некоему усатому с трубкой в 1941-м. Не верят римляне, меры принимают. И не зря! Забыл как-то в одну зимнюю ночь Спартак про всякие бочки – и через «линию Мажино» прорвался. Да только не в этом его первоначальный замысел. Прорваться можно было и раньше, когда вал со рвом еще строились. А еще лучше не прорываться вообще, не уходить на Регийский полуостров, а вести против Красса маневренную войну, не дожидаясь подхода армии Помпея.

Что же выходит? Как по мне, «Сицилийский лев» Спартака – такая же стратегическая ДЕЗИНФОРМАЦИЯ, как и «Морской лев» ефрейтора Шикльгрубера. Чем все кончилось в 1941 году мы знаем – кто не знает, пусть перелистает какую угодно историю Великой Отечественной. А вот у Спартака отчего-то не сложилось. Он что-то готовил, чего-то ждал – упорно, долго. Не вышло. То ли не сумел подготовить, то ли не дождался.

...Как тот же Ганнибал, стоявший не один год в Южной Италии, совсем близко от Регийского полуострова. В это время его дела стали совсем плохи. Римляне пришли в себя, свежие римские армии обкладывали карфагенянина со всех сторон. Самое время было прорываться – хоть в снежную зимнюю ночь, хоть в памятный для нас всех «самый длинный день в году с его хорошею погодой». Но Ганнибал не уходил, ждал. Чего именно, мы знаем: подкреплений из Африки и Испании. Но испанская армия погибла, а из Африки помощь так и не пришла. И только тогда Ганнибал решился уйти из Италии на помощь почти уже осажденному Карфагену.

А чего ждал Спартак? Куда на самом деле собирался прыгнуть «Сицилийский лев»?

8. Марк Красс или Неблагодарное Отечество.

А теперь об иных странностях, связанных со Спартаком, но на этот раз мистических и, так сказать, теологических. Сначала немного мистики.

54 год до Р.Х. Битва при Каррах закончилась поражением римлян. Парфянский полководец Сурена пригласил командующего римской армией Марка Красса на переговоры, обещая заключить мир. Тот согласился, однако во время переговоров был предательски убит. Голову мертвому Крассу отсекли и отправили царю Гироду.

48 год до Р.Х. Гней Помпей Великий, потерпев поражение от Цезаря, бежал в Египет к царю Птолемею, рассчитывая на его помощь. Навстречу кораблю с беглецами была направлена лодка с царскими советниками, которые поспешили заверить Помпея, что помощь будет оказана. Как только Помпей сошел с корабля, он был немедленно убит. Отрубленную голову погибшего отправили Юлию Цезарю.

Не мистика? А как по мне – полная мистика. Два триумвира гибнут абсолютно ОДИНАКОВО. Можно добавить, что оба были убиты на Востоке, причем перед этим у Красса погиб его единственный сын. Все сыновья Помпея были также убиты. Считать подобное простым совпадением я не рискну.

А ведь Красс и Помпей были не только коллегами по Первому Триумvirату – оба они ПОБЕДИТЕЛИ СПАРТАКА. Вот уж кому победа не принесла удачи! Поистине над ними висел какой-то страшный Рок.

А теперь о теологии, но на этот раз куда подробнее. Хотя и Марк Красс, и Гней Помпей считались (и считали себя) победителями Спартака, но истинным победителем был, конечно, Марк Красс. Помпея в Риме любили, Марка Красса – нет, даже после победы над Спартаком. Такое бывает, любовь народа – категория тонкая. Но любовь это одно, а вот благодарность государства – совсем другое. Сталин Жукова не любил, но командовать Парадом Победы доверил.

Напомню еще раз: Спартак – это угроза римскому государству, Спартак – это три года страшной войны, разбитые консульские армии, разоренная Италия. Спартак – это пять Орлов в гладиаторском шатре. Марк Красс разбил Спартака. Марк Красс – Спаситель Отечества, ничуть не в меньшей степени, чем Сципион, разгромивший Ганнибала. Сципиона римляне, к слову, тоже не любили, но все положенные почести победитель Ганнибала получил.

А Марк Красс?

Награждали в Риме полководцев по-разному. Для тех, кого особенно любили, могли придумать нечто вообще невообразимое. Например, за одним римским адмиралом было велено постоянно следовать флейтисту. Идет адмирал по улице, а за ним флейтист шествует. И не просто шествует – на флейте посвистывает, так сказать, почетный оркестр в миниатюре. Вот уж не завидую бедолаге адмиралу! Могли и чего попроще – статую на Форуме из драгметалла, право на почетное место в цирке, наконец.

Но в любом случае победителю полагался ТРИУМФ.

Триумф именно полагался, хотя бы потому, что он был РЕЛИГИОЗНЫМ завершением войны. Триумфатор от имени римского народа благодарил Юпитера Капитолийского и приносил ему жертву. Так что триумф – не только награда, но и «большое спасибо» небесному Покровителю Вечного Города, Отцу богов. Победителю честь – и богу честь. А не воздашь нужные почести, в следующий раз, того и гляди, победы не будет.

Чем больше победа – тем роскошнее триумф. Почему – тоже понятно.

Самому же триумфатору особо радоваться не следовало. То есть, в душе можно, но вид подавать было ну никак нельзя. Лицо его гримировали красной краской, дабы Юпитер не заметил, как щеки от гордости румянцем пылают. А рядышком с героем, на колеснице триумфальной, некто пристраивался, чтобы этому герою на ушко шептать. Что шептать? А то, что он

человек, а не бог, значит особо гордиться нечего, а то, сам, мол, понимаешь!.. И еще много-много интересного при этом предусмотрено было. Но главное понятно: триумф – благодарность Юпитеру. Любим мы победителя, не любим, Отца богов не волнует. Это мы волноваться должны – а вдруг не так поблагодарим?

За что именно благодарить, было определено четко, как статус ордена Победы. Прежде всего, конечно, за успех в большой войне, такой, как Ганнибалова. Все логично: избавилось Отечество от беды – и Юпитера благодарит. А если война так себе, где-нибудь на околице, и от победы Риму толку не очень много? Тоже предусмотрели и критерий выработали. Критерий простой – количество пленных. Пленил пять тысяч супостатов – и вперед на Капитолий. Благодарим!

...Одна тут лазейка была. В число пленников, взятых в бою, некие хитрецы (скажем, Цезарь в Испании) включали и гражданское население. В принципе все верно, они тоже пленные – в цепях, с ошейниками на шее. Но вообще-то с триумфами старались не шутить и богов зря не обманывать. Мы в римских небожителей не верим, а вот римляне верили и верили крепко. Обоснованно или нет – другой разговор, но известно, что общая вера во что-то порой становится реальной силой. И ее обычаи – тоже. Те же триумфы, к примеру.

А вот и примеры.

Гай Юлий Цезарь был великим полководцем, однако за свою первую войну в Испании (где он с количеством пленных мухлевал) триумфа так и не получил. Считается, что исключительно из-за политических интриг. Впрочем, вскоре он свое наверстал и принялся благодарить Юпитера Капитолийского достаточно регулярно. И каждый раз – вполне заслуженно по строгим римским обычаям. Но вот один случай вызвал у современников сомнения.

Цезарь разбил Фарнака, боспорского царя. «Пришел, увидел, победил» – сие именно про ту войну. Но до триумфа победа, так сказать, слегка не дотягивала: Фарнак был разбит, но не добит, он даже сохранил власть на Боспоро. А ведь боспорский царь был виновен в убийстве мирных римских граждан, подобное же Рим никогда не прощал. Формально Цезарь мог сослаться на то, что к моменту триумфа злодей Фарнак был уже мертв, однако лишил его власти и убил вовсе не Цезарь, а соперник, пытавшийся захватить престол Боспора. Гай Юлий все же триумф отпраздновал и Юпитера Капитолийского поблагодарил. Современники не стали спорить, а если и говорили, то тихо. И Юпитер стерпел – отмолчался и даже, как мы знаем, не возражал против дальнейших успехов Цезаря. Но вот притча! Через несколько лет история повторилась. Цезарь решил отпраздновать еще один триумф, но на этот раз не над внешними врагами, а над сыновьями своего уже погибшего соперника (и родственника!) Гнея Помпея Великого, легендарного римского полководца. С точки зрения римлян подобное было откровенным кощунством, и говорили об этом уже открыто.

Цезарь с разговорами не посчитался и поблагодарил Юпитера за гибель собственных родственников. На этот раз Отец богов ответил: вскоре Цезарь был зарезан в стенах дома, выстроенного Помпеем-старшим. Умер он у подножия статуи того, чьих сыновей убил.

Будем считать все это совпадением?

А через много-много лет полный тезка Цезаря, император Гай Юлий Цезарь, более известный как Калигула, тоже решил отпраздновать триумф – на этот раз уж точно не по заслугам. Вскоре Гаю Юлию приснился сон, очень, признаться, неприятный: Юпитер Капитолийский в гневе сбрасывает его с небес на землю. Калигуле сон не понравился – и не зря. На следующий день тезка Цезаря был убит. Зарезали его при передаче пароля страже. Пароль же в тот день был... «Юпитер».

Можно считать и это совпадением, но в любом случае римляне с Юпитером Капитолийским старались не шутить. А значит, и с триумфами тоже. Положено – получай, если же нет – не пытайся. Хуже будет!

Марк Красс развесил на крестах вдоль Аппиевой дороги шесть тысяч пленных спартакцев. Для убедительности, так сказать. Не веришь – иди, считай. Кстати, сосчитали – действительно шесть тысяч, для триумфа вполне хватит, даже с запасом. Вот уж поистине: взгляд, конечно очень варварский – но верный!

Марк Красс спас Рим от врага, равного Ганнибалу. Марк Красс предъявил нужное количество пленных. Марк Красс, победитель Спартака, триумфа не получил. Ему разрешили отпраздновать овации. Это тоже триумф, но, так сказать, очень маленький. Не на Капитолии, не на колеснице, венок на голове не лавровый, а миртовый, Юпитеру – не быка, а овцу. В общем, тоже «спасибо», но шепотом. Что за странность, а?

Авл Геллий, римский философ, комментирует все сие так:

«Основанием для овации, а не для триумфа были следующие обстоятельства: если война была объявлена не по правилу, или она была ведена не с настоящим врагом, или если имя врагов было низким и неподобающим, например имя рабов или морских разбойников, или если победа была получена вследствие внезапной сдачи врага...»

Плутарх уточняет:

«Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу над рабами, но даже и пеший триумф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтен неуместным и унижающим достоинство этого почетного отличия».

Итак, война с рабами – позор, а за позор нечего Отца богов благодарить, по крайней мере в полный голос. Война-то была, так сказать, не по правилам, за такое триумф не полагается. Убедительно?

Было бы убедительно, но тот же Плутарх в ином месте простодушно рассказывает, что:

1. Гней Помпей воевал в Испании с Серторием. Тот считался изменником, предателем и мятежником, и все его сторонники считались таковыми. Помпей Сертория разбил и получил право на триумф. Чем мятежники и предатели лучше восставших гладиаторов?

2. Гней Помпей воевал с пиратами. И не просто воевал, но и позаботился о том, что его предшественник, тоже сражавшийся с этими капитанами Флинтами, триумфа не получил, хотя имел на это полное право. Плутарх таковое полностью признает, а Помпея за интриги осуждает. Чем пираты лучше гладиаторов? Между прочим, среди морских разбойничков беглых рабов было полным-полно.

А вот и еще один пример, на этот раз связанный с «чисто» рабской войной. На Сицилии началось очередное восстание рабов. Римский полководец Ацилий не просто подавил восстание, но и убил в поединке вождя восставших Афиниона. За это он получил редчайшую военную награду, полагающуюся именно за личную победу над вражеским предводителем. Это, конечно, не триумф, но почему-то раб Афинион считался достойным противником, а вот гладиатор Спартак – нет. А между тем Афинион не грозил Риму и не коллекционировал Орлов.

Может, все дело в том, что в Риме Красса не любили? Так не любили, что даже решились слегка поспорить с Юпитером Капитолийским? В конце концов это просвещенный I век до Р.Х., богов уже и боялись не так, как в старину, и чтили не этак...

Я бы поверил – если бы не одна деталь.

Авл Геллий:

«Венок при овации – малом триумфе – бывает из мирта; его надевали победоносные вожди, когда вступали в Рим с овацией... Вот Марк Красс, когда он по окончании войны с беглыми рабами возвратился в Рим с овацией, против обычая отверг миртовый венок и добился благодаря своему влиянию, чтобы

было вынесено сенатское постановление: быть ему увенчанным лавром, а не миртом...»

Плиний Старший сие подтверждает: Красс, «празднуя победу над беглыми рабами и Спартаксом, шел, увенчанный лавровым венком».

Итак, влияния Красса хватило на компромисс: орации, но с триумфальным венком на голове. Будь у него влияния чуток поболее, он и триумф бы себе выбил. Что значит, нужные связи иметь!

Могло так случится? Нет, не могло!

Авлу Геллию неплохо было бы знать, что венок не для зрителей. Венок – для бога, для все того же Юпитера Капитолийского. Это – знак. Зри, мол, боже всемогущий, кто к Тебе на поклон идет! Кто – и зачем.

Переведем на современный язык. Кардинал Н. не был избран Папой Римским. Решили на конклаве, что деяния его слегка... ну, не того. Избран не был, но вот править службу в папской тиаре дозволение получил. Так и литургию отправлял – в папском прикиде. Представили картинку?

А если серьезно, овацию в лавровом венке можно расшифровывать так:

Юпитер Капитолийский, Отец богов! Мы благодарим Тебя за величайшую победу, которую Ты в милости Своей соизволил даровать Риму. Но благодарим Тебя не в полный голос, а шепотом, ибо БОИМСЯ. Не желаешь же Ты, Величайший, чтобы Твой город пострадал? А почему, Ты, боже, и сам веши!

Итак, римляне почему-то считали, что победа Марка Красса над Спартаксом ПРОГНЕВИЛА БОГОВ. Почему именно – вслух не объясняли. Тоже понятно: боги и сами знают, а лишний раз повторять такое не след. Нельзя – паника начнется.

Паника, кстати, тоже богиня. И довольно опасная.

Впрочем, кто надо – тот понял. Понял и в нелюбви своей к Марку Крассу утвердился. Более того, этот «кто надо» знал, что над Крассом тяготеет НЕЧТО – Рок, проклятие, злая судьба. И над ним, и над всеми, кто с ним связан.

55 год до Р.Х. Марк Красс вновь идет на войну, на этот раз против парфян. Казалось бы, обычное дело, только что Цезарь завоевал Галлию, в Риме военных на руках носят. Почему бы Марку Крассу парфян не разбить да в полон не взять? Но – нет, многие против, войны с парфянами не хотят и Красса отпускать на Восток не желают. Это еще как-то можно понять, ведь не все войну любят. Народный трибун Атей даже пытается запретить Крассу выезжать из Рима.

Поясню: народные трибуны в Риме могли запретить что угодно, говорят, даже восход Солнца. Должность у них была такая.

Итак, Красс идет на войну, а трибун Атей его не пускает. И не только не пускает, но и пытается арестовать. Однако трибунов несколько, а остальные Атея не поддерживают. В конце концов Красса не арестовали, и он добрался до городских ворот. И тут...

Плутарх:

«Атей же подбежал к городским воротам, поставил там пытающую жаровню и, когда Красс подошел, Атей, воскурив фимиам и совершая возлияния, начал изрекать страшные, приводящие в трепет заклятия и призывать, произнося их по именам, имена каких-то ужасных, неведомых богов».

Чувствуете, чем пахнет? Не только фимиамом!

И вновь поясню: это для грека Плутарха «неведомые боги» неведомы. А вот для римлян они очень даже ведомы, только не любили римляне с чужеземцами о своих богах сплетничать.

То, что говорил и делал Атей, привело всех в ужас. Именно ВСЕХ. Плутарх так и пишет: Атей навел страх «на все государство». И ведь не зря. Прогневил богов Красс!

Иного объяснения по поводу несостоявшегося шествия на Капитолий я не нашел. Желающие могут, конечно же, попытаться. Скажем, не нравилась физиономия Марка Красса двум сенаторам – вот и не хватило двух голосов для триумфа.

А все-таки неблагоприятное оно, Отечество!

9. Цезарь, Спартак и Красс.

А вот Гай Юлий Цезарь...

А что Гай Юлий Цезарь? Гай Юлий Цезарь, извините, к Спартаку никакого отношения не имеет.

Действительно вроде бы не имеет. Возьмите любую его биографию и можете убедиться. И это очень, очень странно. Цезарь и Спартак – современники, оба они – талантливые полководцы. Если уж с кем-то сравнивать военный талант Спартака, то, конечно, с Цезарем. Цезарь и Спартак находились на итальянском «сапоге» в одно и то же время, ибо будущий римский диктатор в 73-72 годах до Р.Х. проживал в Риме.

Ну и что?

Цезарь был также участником Первого Триумvirата – вместе с Крассом и Помпеем. Цезарь был, как и они, предательски убит. Голову ему не отрезали, но тело чуть было не выбросили в реку Тибр, что для римлянина считалось величайшим позором. Все его потомки тоже умерли, не пережив отца. А убили Цезаря перед самым походом на Восток, где уже погибли Красс и Помпей.

И вновь: ну и что? Мало ли совпадений? Цезарь-то со Спартаком не воевал!

Не воевал? Вспомним:

Гай Юлий Цезарь с юных ногтей рвался в верха, рвался последовательно, целеустремленно и умело. Правда, поначалу удавалось это ему не очень. И должности, вроде, получал, и народ его любил, но вот, так сказать, прорыва не было. Цезарь, однако, не унывал. Он, человек очень умный, знал, что для этого требуется. Римляне любили генералов. Не цивильных генералов, а настоящих, боевых, чтобы с победами и триумфами. Справил триумф – и прямиком в консулы. А это уже, извините, президентская должность.

Цезарь хотел побед. Цезарь хотел триумфов. Цезарь хотел стать генералом.

Как известно, лучший способ стать генералом – получить лейтенантские погоны. Четверть века по гарнизонам, и вот уже генерал, всем на зависть.

В генералы Цезарь пробивался с юных лет. Но – не везло. Точнее, везло, но не слишком. Однажды он успешно сцепился с пиратами, а в начале очередной войны с понтийским царем Митридатом подвизался при штабе римского командующего Луция Лициния Лукулла. Но там что-то не сложилось, и Цезарь вернулся в Рим. Там повезло больше. В 73 году до Р.Х. Цезарь был избран военным трибуном. Военный трибун – это нечто совсем иное, чем упоминавшийся уже трибун народный. Военный трибун – военная магистратура, можно сказать, звание или должность. Не генеральская, но и не лейтенантская, а нечто среднее, вроде майора или подполковника. Трибун в принципе мог командовать легионом, но обычно трибуны были штабными офицерами. Если учесть, что Цезарю тогда стукнуло годков двадцать семь – двадцать восемь, то следует признать, что для лютого карьериста, каковым он считался и был, сие не очень много. Помпей, к примеру, в двадцать уже армией командовал. Так что Цезарю следовало поспешить. Погоны на плечах – вперед, Гай Юлий!

Цезарь спешил. Стать трибуном было не так и легко. Трибун – должность военная, но выборная. На выборах же Цезарь схлестнулся с неким Гаем Помпилием, которому тоже очень хотелось в генералы. Цезарь выборы выиграл и военным трибуном стал. Плутарх походя замечает, что это было «первое доказательство любви к нему народа».

А теперь поразмышляем.

На должность трибуна Цезарь избирался летом 73 года до Р.Х. Это – начало побед Спартака. В Риме избирательная компания проходит под грохот... Оговорился – не под грохот канонады, а, скажем, под топот калиг римских вояк, драпающих от мятежных гладиаторов. Что должен кричать на митингах своим избирателям молодой честолюбец, мысленно уже примеря-

ющий погоны с зигзагами? Ясно что! Довоевались, мол, Метеллы-Лукуллы позорные! В Азии никак с Митридатом справиться не могут, сам видел, в Испании враг народа Серторий злобствует-зверствует, во Фракии варвары наших бьют, а теперь и родную Италию защитить никто не способен. А вот я! Да я! Да все римские столбы трофеями обвешаю, только голосните! А этот Гай Помпилий даже портянки легионерской не нюхал!..

Выборы есть выборы – даже когда речь на цicerоновской латыни произносишь.

Цезаря народ любил. Его избрали, путь в генералы был открыт. Что должен делать будущий генерал Цезарь? Будущий генерал Цезарь обязан немедленно проситься на войну, а иначе, извините, зачем погоны у народа выпрашивал? Еще раз напомним – выборы проходили летом 73 года до Р.Х., а вступил Цезарь в должность аккуратно в январе следующего 72 года до Р.Х., того самого, когда Спартак бил консульские армии и Орлов в палатке складировал.

В Азию, где римляне сражались с Митридатом, Цезарь не поехал. И в Испании его не было, и во Фракии. Военный трибун Цезарь остался в Италии. Неужели так и повоевал? Неужели в Риме отсиделся? Извините, не верю!

Однако верить или не верить – это одно, а факты – совсем другое. Нет фактов – не запомнили Гая Юлия на спартаковском фронте. Действительно, странно выходит. Ведь умным человеком Цезарь был. А раз умный, то должен был понимать простую вещь: не пойдя он на войну, карьера его тут бы и кончилась. Всю жизнь потом поминали бы, спрашивали: а чем ты, Цезарь, занимался, когда тебя в военные трибуны избрали? С кем сражался, а? Римские лупанарии от Спартака защищал?

Цезаря ни в чем таком не упрекали, его дальнейшая военная карьера шла блестяще. Когда требовалось, римляне доверяли ему армию. А то, что биографы ничего не записали, не запомнили...

А что тут собственно удивительного, что не запомнили?

72 год до Р.Х. – год позора римского оружия. Особых побед в войне со Спартаком Рим не одержал. И не особых тоже, за исключением разгрома отряда Крикса у Гаргана. Награждать было некого и не за что.

Впрочем, награждали. Плутарх в биографии Катона Младшего рассказывает:

«В начале войны с рабами, или войны со Спартаком, армией командовал Геллий. Катон участвовал в походе добровольно, ради своего брата Цепиона, который был военным трибуном. Война была неудачной, поэтому Катон не мог проявить по мере сил своего усердия и храбрости. Тем не менее при страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии, он высказал свою любовь к порядку, мужество, присутствие духа и ум во всех случаях... Геллий назначил ему награды различного рода и блестящие отличия, но Катон отказался от них, не пришел, сославшись на то, что не сделал ничего заслуживающего награды. За это он прослыл чудаком».

И такое, как видите, бывает. Как по мне, Катон, не меньший честолюбец и карьерист, чем Цезарь, поступил умно. Пришел бы за наградой, а потом всю жизнь объяснялся бы за какие-то такие подвиги орден (или венок) получил? За то что быстрее всех от Спартака убежал? Нет, лучше уж чудаком прослыть!

Цезарю награды не достались. Не за что было. Военный трибун – должность все-таки невеликая. Как отличиться, когда преторов и консулов бьют? Вот и молчат биографы. О чем рассказывать? Но и позора нет – воевал. Все воевали – и Цезарь воевал. А что подвигов не было, так какие подвиги на такой войне?

А вот сам Гай Юлий Спартаковскую войну помнил. И не только помнил – анализировал, выводы делал.

Цезарь:

«...Недавно в Италии, во время войны с рабами, – а ведь им помогли некоторого рода навык в военном деле и дисциплина, которую они усвоили от нас. Отсюда можно заключить, какое значение имеет твердость: ведь тех, кого вы в течение долгого времени безо всякого основания боялись невооруженными, тех впоследствии вы победили уже вооруженных и неоднократно одерживавших победы».

Как видим, Цезарь знал эту войну не понаслышке. Знал – и мог оценить и дисциплину спартаковцев, и их навыки в военном деле. Неужели с чужого голоса писал?

Впрочем, есть еще одно соображение, не менее серьезное. И зовется соображение это Марком Крассом – тем самым, что в лавровом венке вместо миртового овцу жертвенную резал. Цезарь и Красс дружили. Помпею Цезарь тоже был друг, но до поры, до времени. А вот с Крассом...

Нет, все немного не так. Дружба – понятие широкое. Следует уточнить: Цезаря и Красса что-то связывало, что-то очень серьезное. Связывало – или даже повязывало.

Вспомним.

Год 61 до Р.Х. Карьера Цезаря идет в гору. Он – претор, заместитель консулов. Следующий шаг – управление провинцией. Это очень хорошо, но Цезарю повезло еще больше – ему досталась не обычная провинция, а Испания, где воюют. Наместник провинции Цезарь готовится к командованию армией. Вот они, генеральские погоны! Вот она война, ЕГО война! Еще шажок...

Увы, не дают. Не пускают в Испанию. Не пускают по элементарнейшей причине – из-за денег, а еще точнее – из-за долгов. И должен Цезарь своим кредиторам не сколько-нибудь, а восемьсот тридцать талантов или даже побольше.

Желающие сами могут заглянуть в любую книгу по истории, дабы прикинуть размер суммы.

Итак, кредиторы Цезаря на войну не пускают. Плутарх уточняет: не пускают с криком. И не просто кричат, а дом осаждают. Что же делает Цезарь? А Цезарь идет к Марку Крассу и просит денег. Тот деньги дает, и Цезарь платит самым крикливым из осаждающих, дабы отступились. Но Красс не просто дает деньги. Он дает поручительство на оставшуюся сумму – на эти самые восемьсот тридцать талантов.

Оценили?

Красс и Цезарь – не родственники. Друзья? Если и друзья, то, так сказать, политические. Красс старше Цезаря лет на пятнадцать, при такой разнице личная дружба складывается редко, а в остальных случаях рисковать подобными деньгами – с какой стати? Между тем Красс деньги ценил, Красс над деньгами дрожал. Плюшкиным и Скупым Рыцарем не был, но блестящие кругляши любил трепетно. Так трепетно, что именно за это добрые римляне его терпеть не могли. А тут такую уймаищу денег на кон ставить!

Плутарх поясняет, что Цезарь был нужен Крассу для борьбы против Помпея. Эту мысль греческого историка повторяют все биографы Цезаря. Я ее тоже повторил, хотя и весьма усомнился. И в самом деле! С чего это Красс, человек неглупый, решил, что Цезарь станет помогать ему в борьбе с собственным другом? И не просто другом! Помпей считался тогда в Риме чем-то вроде маршала Жукова. Цезарь пока даже не генерал, дружба с Помпеем для него – клад. Да и не стал в дальнейшем Цезарь помогать Крассу душить Помпея. Напротив, помирил, чуть ли не друзьями сделал, вместе они образовали Первый Триумвират и стали править Римом.

Поэтому уточним: Цезарь был Крассу нужен для того, чтобы как-то решить вопрос с Помпеем. Вот это чистая правда. Только не Красс с повозкой денег к дому Цезаря подкатил, кредиторов распугивая, это Цезарь к нему пришел. Пришел – и денег попросил. Значит, не

так уж нужен был Цезарь Крассу для охоты на Гнея Помпея, не его это инициатива. Вот когда Цезарь в дверь постучал, Красс и призадумался. Так что версия Плутарха слегка провисает. Более того! Это мы знаем (и Плутарх знал), что из Испании Цезарь вернется не только победителем, но и супербогачом. А тогда догадаться о таком было нелегко – армией Цезарь еще не командовал, состояние свое растратил, можно сказать, по ветру пустил. В общем, поручился Красс за Цезаря не только из расчета.

Так и мелькнет мыслишка: а не было ли у Цезаря на Красса КОМПРОМАТА? Да не обычного, а чтобы на восемьсот тридцать талантов? Однако не будем спешить. Дело в том, что и Цезарь тоже помогал Крассу, и тоже не только из расчета.

И снова вспомним.

Год 55 до Р.Х. Красс собирается на свою последнюю войну, ту самую, с парфянами. Он консул, глава государства, один из трех триумвиров. Тут уж какая дружба! Для Цезаря он конкурент – как и Помпей. В горло еще никто не вцепляется, но поглядывают триумвиры друга на друга искоса. Однако главный конкурент для Цезаря не Красс, а Помпей по той простой причине, что у него своя армия есть, и у Цезаря есть, а у Красса нет. Пока еще нет, но скоро будет, для того он и на парфян идет. Так в интересах ли Цезаря множить конкурентов? А победы Красс в войне, завоюй Месопотамию, легче Цезарю стало бы?

А между тем Цезарь Крассу помогает. И не просто советом (это все мы любим!), но и своим влиянием в Риме – способствует получить под командование войско. Это еще объяснимо, триумвиры друг другу обязаны, ты – мне, я – тебе... Но Цезарь посылает Крассу СВОИ войска. Причем лучшие!

Цезарь – великий полководец. На Востоке он воевал недолго, но знает, что у римлян сила в пехоте, а у парфян, на которых Красс ополчился, в коннице. Хорошей конницы у римлян мало, и Цезарь отправляет Крассу свою галльскую кавалерию. Плутарх подчеркивает, что не Красс попросил помощи, Цезарь САМ решил помочь.

Если коротко: Цезарь пытается сделать все, чтобы Красс выиграл войну, завоевал для Рима (и для себя) богатейшие провинции и увеличил свое влияние в государстве – в ущерб самому Цезарю. Неужели они и в самом деле такие друзья? Ясно одно – их что-то связывает, что-то очень серьезное. А если связывает, то где и когда связало? Вновь подчеркну – они не родственники и не друзья детства. Совместная политическая карьера не в счет, политики куда легче становятся врагами, а не друзьями. Гней Помпей Цезарю не просто друг – родственник, а он на Помпея уже втихаря нож вострит.

Итак, где могли сойтись Красс и Цезарь? Да так, чтобы на всю жизнь? Сходятся, как известно, на войне, сходятся в экспедициях, на каторге, в кругосветном плавании, то есть там, где людям приходится существовать бок о бок, плечом к плечу, где приходится по-настоящему ВЫРУЧАТЬ друг друга. Иногда выручать, а иногда вместе же ВЛИПАТЬ во что-то. В экспедиции, на каторге и на кораблях Магеллана Красс и Цезарь не были. А вот на войне...

Единственная война, где Красс и Цезарь могли сражаться ВМЕСТЕ, была война со Спартаксом.

Итак, Гай Юлий Цезарь на спартаксовской войне скорее всего был, и воевал он в армии Марка Лициния Красса. Более того, на этой войне произошло нечто, связавшее этих очень разных по возрасту и характеру людей на всю жизнь. Только вот что именно? Если бы Цезарь закрыл собой Красса от гладиаторского копья, о таком бы точно написали. Соверши он иной подвиг, биографы обязательно бы этот подвиг в книжку вставили.

Цезарь подвигов не совершал, по крайней мере на поле боя. Посоветовать Крассу что-то дельное на том же поле боя также способен не был – молод, ни одной войны еще не прошел. Кроме того, о таком тоже бы написали, не забыли. Влипнуть вместе в какую-то передрагу, дабы замараться на всю жизнь, они тоже не могли: Красс – командующий, он на виду, Цезарь – обычный офицер.

А если все это случилось не на поле боя? Если тайно? Если Цезарь присоветовал Крассу нечто этакое? Или помог в чем-то этаким? Или они вместе этакое совершили? Но что мог молодой неопытный военный трибун Цезарь? Что такого знал, что умел делать? Речи говорить? Этому и вправду был обучен, так ведь речь не тайно держишь, а перед народом. Что еще? Писал на хорошей латыни, и Красс его на тайной переписке держал? Только какие страшные тайны-компроматы могли оказаться в военных документах – да такие, чтобы и через десять, и через двадцать лет не протухли? А личные письма Красс и сам писать умел.

Вот уж, как говорится, истина где-то рядом!

10. Предварительные итоги или Отечество Многоспасаемое.

Бледный призрак Цезаря заставил меня остановиться.

Оглянуться.

Оглянуться – и сделать вывод, что лично я ничего не понял. Целей Спартака мы не знаем и с налета распознать не можем, а значит оценить Марксово похлопывание по плечу не в силах. И в самом деле! Три года по Италии катилась война не хуже Ганнибаловой, римские Орлы шли на сувениры – и ради чего? Рабов Спартак освобождать не собирался, родную Фракию спасти – тоже... Более того, вокруг спартаковской войны прямо-таки клубятся тайны. Куда ни ткнешь – тайна. И все эти тайны не мелкие, не поверхностные. Что-то там есть, в неведомой глубине.

Значит, будем разбираться по порядку. Не спеша. А для округления проблем еще одна загадка, даже не загадка, а, так сказать, наблюдение. Тут и Плутархи с Аппианами не потребуются, достаточно открыть школьный учебник. Но сначала две цитаты:

«Не бывает спасительных поражений, зато бывают роковые победы»
(*Морис Дрюон*).

«Горе! Горе Отечеству, которое все время приходится спасать!»
(*Жермена де Сталь*).

В точности цитаты из мадам де Сталь не уверен, ибо позаимствовал оные слова из вторых рук. Но что-то похожее дочка Неккера явно говорила. К чему это я? А к тому, что победа над Спартаком едва не стала для Рима роковой. Она как бы провела черту, за которой началось сплошное спасение Отечества. И до спартаковского восстания Рим переживал не лучшие времена, но после того, как шесть тысяч рабов повисли на крестах вдоль Аппиевой дороги, в римской истории начала обнаруживаться пугающая закономерность. Суть ее можно сформулировать просто: хотели как лучше, а получилось... Нет, нет, не как всегда – хуже! Получилось с точностью наоборот, с обратным знаком. Можно сказать и поэтичнее: благие намерения выстлали Риму дорогу в Ад.

Объяснюсь подробнее. Неприятностей Риму и так хватало, но прежние были попроще, какие-то линейные. Вот, например, Югурта, воевавший с Римом с помощью подкупа римской же верхушки. Тут все ясно: хитрый враг. Или вот Митридат, перерезавший за один день под сто тысяч римских граждан. И тут ясно: враг, причем жестокий и кровожадный. Кимры с тевтонами перебили римскую армию. Тоже понятно: за тем и шли. А вот сразу же за Спартаковской войной начинается та самая дорога в Ад, по которой римское государство начало продвигаться семимильными (римская миля – 4 км, оцените!) шагами.

Между тем, именно к моменту разгрома Спартака и даже чуть позже начинало казаться, что все римские неприятности постепенно остаются позади и дела идут на поправку.

Перечислим главное:

1. Сулла железной рукой ликвидировал последствия нескольких гражданских войн и навел в стране относительный порядок. Что ни говори, а диктатура лучше, чем повальная резня.

2. После того, как Сулла сам (сам!) отказался от власти, началась постепенная либерализация режима. Знакомо, правда? Например, был посмертно реабилитирован враг Суллы великий римский полководец Гай Марий. Этого, кстати, добился его родственник Гай Юлий Цезарь.

3. Был подавлен мятеж Сертория в Испании.

4. Был разбит Спартак.

5. Несколькими годами позже Помпей разнес вдребезги пиратские эскадры во всем Средиземноморье. На какое-то время плавать стало безопасно. Цены на хлеб и иные нужные продукты тут же упали.

6. В Риме Марк Туллий Цицерон раскрыл и подавил опаснейший заговор Катилины.

7. И, наконец, все тот же Помпей довел до конца Третью Митридатову войну. Митридат, враг Рима, был лишен власти и убит, разгромлена Великая Армения, пределы Римской Республики расширились до Синая и Евфрата.

Впечатляет? Можно добавить и еще одно, тоже немаловажное. Выросло поколение политиков-центристов, которые при всех своих различиях стремились действовать в рамках закона. Не мятежники вроде Гай Гракха и Сатурнина и не диктаторы вроде Мария и Суллы – по крайней мере, тогда так вполне могло показаться. За примерами ходить далеко не надо, возьмем все тот же год (61 до Р.Х.), когда Цезарь готовился примерить генеральские погоны и отправиться в Испанию. Как выглядели в глазах добрых римлян уже известные нам персонажи?

Помпей – великий полководец и одновременно очень умеренный политик, относящийся к диктатуре с явным отвращением.

Красс – политический неудачник, но тоже очень умеренный. Желает закрепиться на самом верху, но только в рамках римских законов.

Цезарь – уже не очень молодой честолюбец, чуть-чуть неудачник, зато любимец народа. Также против крайностей. В молодости сам пострадал от репрессий, а посему всяческий их противник.

Цицерон – Спаситель Отечества. Также пострадал, был даже изгнан, но, вернувшись, никому не стал мстить. На верности законам и обычаям прямо-таки помешан.

Катон Младший – это уже явный параноик, но с все тем же уклоном. Любит законы и ненавидит политическое насилие. Честен, взятки и незаслуженных наград получать не желает.

Чем плохи державные мужи?

И кто же знал, кто предвидеть мог, что все они (кроме убитого на войне Красса) станут активнейшими участникам очередной гражданской войны, ВСЕ погибнут насильственной смертью – и все одновременно подведут Рим к краю гибели.

А теперь о дороге в Ад и ее вымостке. Повторюсь: ужас в том, что все в каждом случае начиналось именно с благих намерений. Действительно благих. Примеров тьма, берем первые попавшиеся.

– Красс и Помпей поссорились, не поделив славы победителей Спартака и, стало быть, Спасителей Отечества. Помпей, желая помириться, всячески помогает Крассу стать консулом. Во время совместного консульства Красс и Помпей разругались уже окончательно. Можно сказать, смертно.

– Цицерон раскрыл заговор Катилины и спас Отечество. В результате были спровоцированы новые политические разборки, причем невиданной силы и мерзости. Сам Цицерон был изгнан, а дом его разобрали по камешку – чтобы знал, как Отечество спасать.

– Помпей раздвинул римские границы на Востоке – и наткнулся на Парфянскую державу. Парфяне оценили ситуацию и принялись вслед за Спартаком коллекционировать римских Орлов.

– Цезарь и Помпей стали друзьями, Цезарь выдал свою дочь за Помпея и тот ее очень любил. Цезарь и Помпей вместе сделали очень много полезного для государства и хотели сделать еще больше. Итогом стала очередная гражданская война, страну разорвали на части, а голову Помпея прислали Цезарю.

– Цезарь Отечество спас, порядок навел, но, не желая проливать кровь, простил почти всех уцелевших врагов. Именно эти уцелевшие-прощенные Цезаря зарезали и начали новую гражданскую войну.

– Цезарь простил и приблизил Марка Брута, относился к нему, как к сыну (по слухам тот и был его незаконным сыном), хотел сделать его своим преемником. Марк Брут стал во главе заговорщиков, убивших Цезаря.

– Брут и его поделщики убили Цезаря, чтобы спасти Отечество от диктатуры. В результате началась гражданская война, и в диктаторы стали рваться несколько личностей, значительно более неприятных, чем Цезарь.

– Марк Антоний, один из генералов покойного Цезаря, считался самым опасным претендентом в диктаторы. Цицерон и прочие умеренные, пытаясь спасти Отечество, противопоставили ему Гая Октавия (будущего императора Августа). Гай Октавий Антония разбил, но тут же с ним помирился и устроил в Риме резню, каких еще не бывало. Цицерону отрубили голову, руку тоже отрубили.

Достаточно?

Не знаю, как кому, а мне чудится за этим какой-то Рок. Ведь все, о чем говорилось выше, делалось не ради наживы и славы. Хотели, как лучше! Хотели, чтобы людям хорошо стало! Отечество спасали!

...Кстати, можно посчитать, сколько раз.

И не просто Рок. Впечатление такое, что римлян за что-то наказывают, за что-то карают. Более того, римляне явно догадываются, за что именно, пытаются что-то изменить, но без малейшего успеха. Вот и начинается перманентное спасение Отечества с заранее известным результатом.

Отечество не спасли – Ад был уже на пороге. Рим не погиб, но был от гибели буквально на волосок.

Я вовсе не утверждаю и не пытаюсь утверждать, что все это случилось ВСЛЕДСТВИЕ восстания Спартака. Спартаковская война и без того наделала бед: Италия была разорена, перепуганные римляне стали терпимее относиться к идее диктатуры, ослабла государственная власть... Все это верно, как и многое другое. Я об ином – создается впечатление, что именно ПОСЛЕ победы над Спартаком для Рима начинаются годы (где-то лет сорок), которые римляне, имея они такую возможность, с удовольствием выкинули бы из своей истории. Был бы я народным трибуном, я бы эти годы точно вычеркнул!

Дело не в ужасе и крови – и того, и другого в истории всегда хватало. Дело в какой-то особой, запредельной мерзости и одновременно НЕЛОГИЧНОСТИ всего, тогда случившегося. Словно бы не только Марк Красс, но вся римская держава чем-то провинилась перед своими небесными покровителями, да так провинилась, что впору выбегать к воротам с жаровней и начать призывать неведомых греку Плутарху богов. Так ведь все равно не поможет!

Вывод: после разгрома Спартака в течение сорока лет на каждой развилке римская история идет по ХУДШЕМУ из возможных направлений вопреки всякой теории вероятности. А ведь так не бывает, не должно быть. Конечно, «после» не всегда означает «вследствие», но ведь есть еще и принцип Оккама. Зачем нам плодить лишние сущности без необходимости? Рассмотрим сначала простейший вариант, а уж ежели не поможет, тогда и на иное взгляд кинем.

Но если действительно и «после» и «вследствие», то почему?!

Любители альтернативной истории, к вам обращаюсь я, друзья мои! Поясните, как сие понимать? Рок – категория внешне неопределенная, но если приглядеться, весьма конкретная. Рок всегда (или почти всегда) имеет фамилию, имя, отчество и агентурную кличку – надо только как следует поискать. Беда в том, что причина может оказаться очень маленькой, незаметной – вроде того знаменитого гвоздя, которого в кузнице не оказалось. Возможно, дело не в самом спартаковском восстании, не в опустошенной Италии, не в разбитых консульских легионах и опозоренных Орлах. Что-то могло произойти где-то поблизости, рядом, в полной тишине. Скажем, какой-то конкретный человек сделал что-то не так. Или так, да не вовремя. Или, наоборот, не сделал. Или это вообще не человек...

Нет, я не про инопланетян. Я, честно говоря, скорее в Юпитера Капитолийского поверю, чем в них. Но боги – богами, демоны – демонами, а все (или почти все) мерзости люди сами с собой творят. Творят – и заодно Историю вперед толкают. Беда в том, что мы не знаем точно, ЧТО ИМЕННО Историей движет, и не только вообще, но и в данном конкретном случае. Иногда тот самый гвоздь, которого в кузнице не оказалось, на самой поверхности лежит, поблескивает нагло, иногда же его в самый омут уронили. Вот мы в этот омут с вами и нырнем.

А поможет нам то, что всякое событие оставляет След – как с невезучим Марком Крассом вышло. Что именно он совершил (или не совершил) мы не знаем, но След заметить можем, до самой его страшной смерти След этот тянется. И со всеми другими так, и со Спартаком тоже, и со всей римской державой. А нащупаем След, пройдем по нему в обе стороны, там, глядишь, и...

Дорога в тысячу ли, как любят повторять китайцы, начинается с первого шага. Его мы уже сделали.

Вперед? Вперед!

Часть вторая

Заговор или Школа Батиата

11. Про генеральские цифры.

А не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратную повесть о походе Спартака, Спартака-гладиатора? Начаться же этой песне по былям древнеримского времени, а не по обычаю Джованьолеву. Ведь Джованьоли Вещий, если про кого хотел роман писать, то растекался мыслию по древу...

Стоп, стоп, стоп, не годится! Этак вы, дорогой читатель, решите, что я Джованьоли-Бояна критикую. А между тем, Джованьоли-Боян, прежде чем своего «Спартака» ваять, всех этих Плутархов с Аппианами и прочих Орозиев не просто перечитал – на зубок выучил. Он, Джованьоли, с лучшими тогдашними историками совет держал. И ляпов исторических, кои наши критики так искать любят, в его «Спартаке» куда меньше, чем во многих современных книжках, что в ярких обложках издаются. Так что начнем иначе, не так эпично.

Истина, увы, не где-то рядом. До истины две тысячи лет с хвостиком. Возьмите, дорогой читатель, эти две тысячи лет, к ним еще семь десятков приплюсуйте да разделите-ка на свой возраст. Это сколько же ваших жизней получится? Впечатляет?

Меня тоже впечатляет. Так откуда нам знать, чего тогда, почти двадцать один век назад, со Спартаком случилось? Уэллсову Машину Времени пока еще не изобрели. А даже если изобрели, нам попользоваться не дадут. Секретная она пока, в тайной лаборатории хранится.

Грамотный читатель ответ уже знает. Он, грамотный читатель, наслышан, что изучать античность следует по всем этим Плутархам с Аппианами. И не только по ним, есть еще и древности, что прямо под ногами валяются. В буквальном смысле. Вывернул киркой из-под земли древнеримский меч – изучай: длина лезвия такая, ширина этакая, сталь отвратительная. А шлем легионерский вообще на двух заклепках держался...

Ну, шлем-то ладно. А кто нам с вами, уважаемый читатель, поручится, что все эти Флоры с Цицеронами правду сказали? А вдруг решили они Спартака оклеветать? Как это в наши дни делается, всем ведомо. Правильно! Их сравнивать полагается. Вот, скажем, написал Плутарх, что Спартак был фракийцем. И Аппиан написал. Стало быть, свидетельские показания совпадают, можно верить. Так?

Так да не совсем так. А вдруг оба они, и Плутарх, и Аппиан, с одной и той же книги списывали? А там ошибка – или автор, нам неизвестный, с умыслом солгал. Итак, проблема. Чему верить, чему не верить? Сюда бы и вправду Машину Времени...

Впрочем, обойдемся без нее. Просто поразмышляем.

Часто ли древние авторы неправду пишут? Скажу сразу – не чаще и не реже авторов современных. И ошибаются столь же часто. Вот, например, Аппиан сообщает, что в Брундизий прибыло войско Луция Лукулла, что перед этим Фракию разорило. Да только мы знаем (о том все прочие дружно пишут), что это было войско не Луция Лукулла, а брата его Марка. Луций Лициний Лукулл в это время Митридата Понтийского в хвост и гриву лупил. Ошибся Аппиан, лишний раз не перепроверил, папирусами не пошелестел.

Это, дорогой читатель, просто ляп. И ляпов подобных немало, но ничего страшного, такое всегда перепроверить можно. А вот если автор решил НАРОЧНО неправду написать?

И это возможно. Скажем, любит автор Рим, а восставших гладиаторов не любит. Дело известное, у нас отважные разведчики, а у них – мерзкие шпионы. Как проверить? А проверять надо так. Каждый раз, когда перечитываешь, вопрос ставь: МОГ ли этот древний солгать? Имел

ли возможность такую? Ведь не для нас он писал – для современников. А это сложнее. Солжет, а они его за язык – хватать! Зачем, мол, хороших людей обманываешь?

А вот и пример.

Марк Туллий Цицерон, как мы помним, про Сицилию рассказывает, про то, что не высаживались спартаковцы на острове. И не могли, потому как флота у них не было. Как нам великого златоуста перепроверить? Да очень просто. Где Цицерон все это рассказывал? Рассказывал он на суде над Верресом, что был в этой самой Сицилии наместником. Когда? Да почти сразу после гибели Спартака. Перед кем? Перед самим Верресом, перед адвокатом и судьями. Мог ли он в этом случае неправду сказать?

НЕ МОГ!

Не мог, потому что Спартак все еще призраком за спинами этих судей стоял. Потому что вскочил бы Веррес, неправду почуяв, и свидетелей свистнул – тех, что высадку спартаковцев наблюдали. А свидетели все как есть бы обсказали: и на каких кораблях спартаковцы приплыли, и где свои костры жгли, и как стража прибрежная от спартаковского десанта драпала.

Значит, можно верить Марку Туллию. Не высаживался Спартак на Сицилии. И флота у него, Спартака, не было.

Так и со всеми прочими. В общем, не так и безнадежно, если подумать. Вопросы же следует разные ставить. Сообщает нечто тот же Плутарх, а мы и думаем: мог он это ЗНАТЬ – или не мог? Пишет сей грек-биограф, к примеру, что врага Рима Югурту бросили в темницу от голода умирать. Держался Югурта смело, с вызовом даже, но, добавляет автор, в душе он, Югурта, полон страха был.

Может, и был. Но откуда это Плутарху знать-то? Ему ведь Югурта не исповедовался. И никому не исповедовался, в одиночестве умирал. Значит, фиксируем: домысел. Не любил автор Югурту, вот и решил от себя про страх в душе добавить.

Есть домысел, а есть и честное НЕЗНАНИЕ. Многие про Спартака писали не по горячим следам, а через век, а то и через два. И через три писали. За эти же века много чего изменилось, потому и появлялось в рассказе о Спартаке то, чего в его время и быть не могло. Толпы рабов-германцев, скажем. Во времена Плутарха и Аппиана рабы из Германии были в Риме на каждом шагу, а во времена Спартака – не на каждом. Плутарху с Аппианом бы задуматься, ан нет – не задумались. И книжки исторические лишний раз не перелистали.

А кроме незнания есть еще НЕПОНИМАНИЕ. Тот же Плутарх – автор честный, однако не римлянин – грек. Прожил почти все свои годы в родной Элладе, Рим же по книжкам изучал, а латынь по учебнику штудировал. Римская душа для него – потемки. Чего снаружи – видит, а что внутри – домысливает. Но чисто по-гречески. Когда про политику, еще ладно, а вот если про обычаи да про богов римских, тут и ошибиться можно.

А бывает еще УМОЛЧАНИЕ. С этим куда сложнее. Вроде бы и не ложь – но и не правда.

Пример.

Император Август (он же Гай Октавий, он же Гай Юлий Цезарь Младший), тот, с чьего согласия Цицерону голову отрубили, написал про себя, хорошего, мемуар потомкам на память. «Деяния Божественного Августа» сей мемуар называется. Прямо лгать в мемуаре Божественный не мог, потому как свидетели были еще живы. А вот не прямо – пытался. Сообщает он, допустим: «По моему приказу и под моим верховным командованием почти в одно и то же время два войска были двинуты на Эфиопию и Аравию». А дальше про то, до каких пределов эти войска дошли. Правда? Чистая правда, только вот не говорит Божественный, что оба войска там и легли костями – до последнего человека. А считаешь, не подумав, и решишь, что Август еще одну победу над супостатами одержал.

И со Спартаком такое же видим. Как Спартака разбили, пишут подробно, а как он римлян бил – чуть-чуть. И слова подбирают тщательно. Вот Тит Ливий сообщает: «Консул Гней

Лентул неудачно сразился со Спартаком». Что подумать можно? Посражались чуток, не вышло у консула, отвел он свои войска в полном порядке и к новой битве готовиться стал.

А как же пять Орлов? А как же консульский лагерь, Спартаком захваченный? А связки ликторские с топорами? Но и не поспоришь. «Неудачно сразился» – вроде бы и не ложь.

Итак, о своих поражениях поменьше, о вражеских – побольше. О своих – стыдливо, глаза опустив, а вот о вражеских – в полный голос, до хрипа в горле.

Запомним и это.

А вот чему верить нельзя совсем, так это военным сводкам, а в особенности ЦИФРАМ из этих сводок. Лгут! А точнее, врут – беззастенчиво, безбожно, тут даже Юпитер Капитолийский не поможет. Это у военных, похоже, генетическое. И пусть товарищи военные на меня не обижаются, ни древнеримские, ни современные.

Врут!

Может, товарищи военные в этом не очень и виноваты. Точнее, не всегда. Вражеское войско, что на тебя плотным валом прет, вдвое большим, чем есть, кажется. А когда это войско тебя по пятам преследует с криками да с завыванием, когда над твоими ушами стрелы жужат-посвистывают, то уже не вдвое – вчетверо. И пишешь ты донесение в Сенат, что победить ну никак нельзя было, потому как десять к одному, тут бы и Сципион Африканский вместе с братом своим Сципионом Азиатским не выстояли.

Это понять можно. И простить можно. Но вот верить ни к чему.

Но чаще врут с умыслом. При поражении врут, чтобы ругали меньше. Пишет, скажем, Аппиан, что в войске Спартака, когда тот претора Вариния лупил, семьдесят тысяч было. Откуда Аппиану это знать? Понятное дело – из военных сводок. А в сводки цифра как попала? Кто среди спартаковцев перепись в эти дни проводил? Или перед битвой Спартак с Варинием провиантскими ведомостями обменивались?

Но это при поражении. А уж если повезет врага разбить!..

Одержал я, скажем, победу. Вот оно поле, трупами вражескими заваленное, вот пленные, вот и знамена супостатовы. Да только знамен всего два, причем одно не военное, а просто вымпел переходящий, что лучшему кашевару вручается. И пленных с сотню. Убитые, правда, по всему полю лежат, но только поле невеликое... А так триумфа хочется! Чтобы на колеснице, чтобы лицо – красной краской, чтобы венок лавровый!

Что я делаю? Правильно! Вымпел переходящий «Лучшему кашевару» главным вражеским штандартом объявляю. Не будет же супостат опровержение в Сенат по почте направлять! С пленными тоже просто: посылается отряд округу зачищать и грабить. И тащит этот отряд всех встреченных мужчин призывного возраста. И непризывного – тоже. Оковы на руки, ошейники под горло – и вот уже не сотня пленных, а целых пять тысяч.

У Цезаря в Испании почти получилось.

Ну, а с убиенными – еще проще. Считай от души, хоть одного за три, хоть одного за десять. Ведь не будут же тебя твои офицеры опровергать! И рядовые не будут, им тоже честь. Уложили они врагов под сотню тысяч, а то и под двести. Или даже больше.

Сейчас врать труднее, потому как журналисты с телевидением присутствуют. Но все равно врут. Если по военным сводкам убитых чеченских боевиков пересчитать, то выйдет аккуратно все население Чечни. И ничего, пишут. Пишут – и триумфы справляют. А журналюг наглых можно в шею погнать – или даже хуже чего.

Власть же подобные сводки не опровергает. Ей, власти, перед народом ответ держать. А вот вам ответ: воюем, значит, истребляем врагов отчизны толпищами!

Во времена Спартака журналистов не было, первая газета римская только при Цезаре появилась. Так что пиши – врагов круши, проверять не станут.

А свои потери можно и спрятать, стыдливо этак. Власть тоже спорить не будет по причинам более чем понятным. К чему народ огорчать, к чему упреки выслушивать, что, мол, вою-

ете три к одному, людей не жалеете? Так что между генералами и властью в этом деле сговор. На все времена.

...Помню как-то в самом начале «перестройки» случилась по телевизору передача. Тогда уже языки развязываться начали, вот и спрашивает журналист орденосного генерала, из тех, что Арбат от душманов защищал, каковы, мол, наши потери в Афганистане? А генералище орденами-медалями своими тряхнул и отвечает этак с чувством: «Да разве это важно?» И в самом деле! Разве важно, сколько наших мальчиков по перевалам да пустыням легло?

И не думайте, дорогой читатель, что такое при полной демократии-гласности невозможно. Еще как возможно! Вот бомбит, к примеру, демократическая Америка Югославию. Бомбит, обстреливает – а в сводках все красиво, все вояки штатовские живы, все здоровы. Да только журналисты пронырливые раскопали иное. Гибли вояки! Гибли, да только их в иные сводки записывали. Сгорел вертолет над Югославией, а его в разбившиеся по случайности где-нибудь над Оклахомой оформляют. Мол, в трудных погодных условиях... Журналисты раскопали, но генералы не признаются. И власть не признается. И признаваться не будет.

Римские генералы были, поверьте, ничем не лучше. Этому поверьте, а цифрам их генеральским – нет. Вот некий писатель тоже одну давнюю войну изучал, так он предложил все такие цифры сразу на десять делить. Может, и вправду?

Так что цифры на веру брать не будем. И многое другое – тоже не будем. Я про меч стали скверной да про шлем с двумя заклепками, что кирка археологическая на свет божий вывернула, не зря помянул. Римские генералы мне про тьмы-тьмущие спартаковцев, а я пальцем шлем ковырну, заклепки еще раз изучу... Авось, и сообразу чего.

Так что пристало нам, братья, начать старыми словами ратную повесть о походе Спартака, Спартака-гладиатора. Начаться же этой песне не по байкам древнеримского времени, а не по сводкам лживым-обманным, но по обычаю Джованьолеву. Ведь Джованьоли Вещий, если про кого хотел роман писать, то не растекался мыслию по древу, а байки все проверял, байкам не верил, все истину искал...

И мы искать станем.

12. Зловещие мертвецы.

Итак...

В некотором царстве, в Римском государстве, в городе Капуя жил да был ланиста Гней Лентул Батиат. И была у этого Батиата гладиаторская школа. Жил Батиат, поживал, добро наживал, да только вот беда случилась – восстали злые гладиаторы, и тут такое началось!..

Годится для начала? Нет, не годится. Не годится, потому как сразу много вопросов возникает. Капуя – это где? Гладиаторская школа – это как? Вроде нашей средней образовательной или больше на ДЮСШ похоже? А гладиаторы – это кто?

С Капуей проще всего. Город, не очень большой, но и не слишком маленький (по римским, понятно, масштабам). Находился он как раз между Римом и нынешним Неаполем в области Кампания. Легко запомнить – по песне мексиканской. Помните? «Ай-яй-яй, кампанья-я-я!» Впрочем, «ай-яй-яй» – явно лишнее. Благодатнейшее место, эта Кампания. Тепло, пинии с кипарисами, от близкого моря ветерок веет. Там бы и жил, ежели бы пустили!

С гладиаторами вроде бы тоже все понятно. Если же непонятно, можно и роман Джованьоли перелистать, а еще лучше голливудовский фильм посмотреть – тот, который «Гладиатор». Недаром ему мешок «Оскаров» отвалили.

Фильм посмотреть можно, а вот понять из него, кто такие гладиаторы – нет. И даже из романа Джованьоли – тоже нет. И даже из грека Плутарха, человека неримской цивилизации – нет.

Почему нет?

А попробуйте-ка понять, фильм поглядев и книгу перелистав, отчего в Риме гладиаторов презирали. Напомню: «Когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения...»

Гладиаторы почтения не заслуживают, более того, их презирают. И не просто презирают. Скажем, освобожденный гладиатор, вольным стал, вольным умер, но его на обычном кладбище хоронить запрещают. А лет через сто после Спартака император Нерон, желая над сенаторами и всадниками поглумиться, на арену их выталкивал, дабы мечами помахали. Так многие предпочитали на месте умереть, но на арену не выйти. Потому как выйти – и себя, и потомков опозорить. На веки веков, так сказать.

С внешней стороны, как уже сказано было, гладиаторы более всего походили на нынешних бойцов на ринге и татами. Так же публика собиралась, так же ставки делали. И орали столь же громко. А чемпионы-гладиаторы были не менее популярны, чем победители на турнирах каратэ и ушу. Презирать-то за что?

На это ответить могут: потому что рабы. А вот и нет! К рабам относились по всякому, иногда и на крест отправляли, но презирать лишь за то, что рабы – не презирали. Могли относиться очень плохо, но могли и очень хорошо. Почитайте-ка письма Цицерона или, скажем, Плиния Младшего. Как они о своих домашних рабах пишут? Прямо как о членах семьи, не иначе. Умершим рабам хозяева порой памятники ставили, а на тех памятниках скорбь свою латинскими буквами обозначали.

Кроме того, среди гладиаторов были и свободные. Вот этих свободных на обычных кладбищах и запрещали хоронить.

И в самом деле! Я жду гладиаторских боев как праздника. Прихожу, ставку на своего любимца делаю, ору как оглашенный, с ума схожу, деньги выигрываю, любимца своего после боя обедом кормлю из семи блюд... И презираю! Интересно, правда?

Может, потому что на арене дрались? На потеху публике? Так актеры тоже на потеху добрым римлянам Плавта играли – и ничего, не презирали их, лицедеев.

Тайна? Страшная тайна, покрытая мраком? Нет, дорогой читатель, не тайна. Хотя действительно страшная и действительно покрытая мраком.

Могильным.

А все очень, очень просто. Беда в том, что русское слово «презирать» не совсем точное. И то «почтение», о котором Флор писал, не совсем почтение в нашем смысле. Имелось в виду нечто близкое – но все-таки другое.

Помните ли вы, дорогой читатель, бородатый анекдот? Идет, значит, женщина ночью через кладбище... Именно, именно! «Пока был жив, тоже боялся». Вариант: «А чего нас бояться?»

Римляне боялись смерти. И мертвецов боялись, и всего, что с этим невеселым делом связано. В этом они не были оригинальны, но все-таки, в отличие, скажем, от нас, боялись как-то по особому. Такое впечатление, что они ЗНАЛИ, что «там» ждет. Знали – или были твердо уверены, что знают. При чем здесь гладиаторы, спросите вы? А при том, что для римлян гладиаторы были МЕРТВЕЦАМИ. Самыми настоящими, только еще не погребенными и очень активными.

А теперь поглядим на гладиаторские игры римским взглядом. Это для нас те, кто на арене – тренированные парни в доспехах и с мечами. Римлянин видел иначе, для него это – чемпионат зомби. Причем не настоящих зомби, не с Гаити (те как раз не мертвы), а зомби из голливудского ширпотреба, которые из могил вылезают с червяками черными во рту.

Страшно? Противно? Вот и римлянам были страшно, и противно. Посему «презрение» надо понимать скорее как «омерзение». Насчет отсутствия «почтения» тоже понятно – какое уж почтение к непогребенному мертвецу, упорно не спешащему под могильный камень? Вы, дорогой читатель, великое почтение к упырю испытываете?

Я ничуть не преувеличиваю. Увы!

Правда, вроде бы тут есть одна неувязка. Римляне мертвецов боятся – и мертвецов же на арену выпускают. Как же так?

Неувязки нет, есть логика. А чтобы эту логику уяснить, побредем-ка, дорогой читатель, по темной дорожке Истории от спартаковских времен в самую, самую глушь.

На рубеже нашей эры римляне были еще молодым народом. Сами они считали, что 74 год до Р.Х. – год, когда Спартак со своими товарищами бежал из школы Батиата, всего лишь 679-й от основания Рима. Но это от основания, от первой борозды на Авентине, народ же сложился еще позже. И как всякий молодой народ, римляне еще не успели накопить своей мудрости. Сами не успели, зато сполна заимствовали чужую – мудрость этрусков.

Этрусски правили Римом. Три последних римских царя – из этрусской династии. Римляне взяли у этрусков все – от религии и обычаев до названий должностей. Можно сказать, что у Рима была этрусская душа.

...Кстати самих этрусков римляне терпеть не могли. Подобное тоже бывает.

Так вот, гладиаторы – изобретение не римлян, а этрусков. И были у этрусков гладиаторы еще с седой древности. Этрусски тоже боялись смерти. Боялись – и также очень хорошо разбирались в том, что их ждет «там» (опять-таки скажем осторожнее – были твердо уверены, что разбираются). Римляне, сами знатоки всякой некромантии, считали этрусков колдунами и ворожбицами. И недаром! Этрусский культ мертвых способен был напугать кого угодно. Это вам не стопка первака на могиле в Родительскую Субботу! Главная же цель такого культа – защититься от страшного покойника, умилостивить его, задобрить. Как задобрить? Совершенно верно, жертвоприношением – кровавым. И лучше всего, чтобы кровь была человеческой.

Этрусски в этом, увы, не оригинальны. Оригинальны они в том, что предпочитали не резать обреченных кремневым ножом на алтаре, а заставлять жертвы самих убивать друг друга – прямо над свежей могилой. Почему? Похоже, считали они, некроманты, что такой способ

эффективнее. Да простится мне такое сравнение, но в китайской кухне принято утку, перед тем как разделявать, несколько дней палками, бедняжку, бить.

Вот вам и гладиаторы.

И снова вроде бы неувязка. Убиенные на погребальных играх – тоже мертвецы, их также следует бояться. А вот этрусски думали, что нет, ибо их гладиаторы – как правило военнопленные, то есть чужаки. Чужаки же нам, этрускам, не опасны, мы на своей земле, пусть с их душами собственные боги разбираются.

Итак, гладиаторы – жертвы мертвецам, то есть самые настоящие покойники. С того момента, когда пленный становился гладиатором, он считался принадлежащим душе того, в честь которого ему и надлежало умереть. Если коротко: гладиаторы уже «ТАМ», на «том» свете. Подчеркну: не приговоренные к смерти, а те, что УЖЕ умерли. Отправится же гладиатор «туда» через час или через десять лет, не так важно, он уже «ихний», так сказать, с печатью Смерти на челе. Как писал христианин Тертуллиан: «То, что жертвовали умершим, считали служением мертвым».

Римляне этрусский культ заимствовали полностью, до мелочей. И у римлян появились свои гладиаторы. Между прочим, в Риме гладиаторские игры назывались «*munus*», что значит «обязанность» – обязанность по отношению к неупокоенным душам. Как писал тот же Тертуллиан: «Так облегчали смерть убийствами». И ритуал оставался вполне этрусским. Скажем, служитель, что убитых гладиаторов с арену уносил, звался Харун. Харун же (на греческого Харона похоже, правда?) – имя этрусского бога мертвых. Выходил он на арену не просто так, а с большим молотом, потому как богу Харуну такой молот по чину полагался.

Я написал, что на обычных кладбищах гладиаторов хоронить было нельзя, но не уточнил, на каких можно. Так вот, гладиаторов, если они были не рабы, а свободные (то есть сами в гладиаторы записались), надлежало хоронить на кладбищах для САМОУБИЙЦ. Вполне логично – что петлю на шею накинул, что гладиатором стал. А вот «ланиста», тот, что гладиаторскую школу содержит, означало попросту «палач». И это тоже логично.

Историю римской гладиатуры излагать не буду, о ней в любой толковой книжке достаточно сказано. Но вот что любопытно. Вначале гладиаторов было мало. Сколько жертв требует душа отдельно взятого покойника? Не сотню же! Выставлялись на погребальных играх, как правило, три-четыре пары.

...Как по мне, все равно людоедство!

Итак, погребальные жертвы – дело семейное, частное, и гладиаторов не очень много. Но вот в 105 году до Р.Х. происходит нечто важное – гладиатура в Риме объявляются ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЛОМ. Отныне гладиаторские бои проводятся официальными лицами, более того, теперь это их прямая ОБЯЗАННОСТЬ. Именно с этого времени гладиаторские бои становятся такими, как их описал Джованьоли: арена, тысячи зрителей, дружный ор публики. Гладиаторов теперь много, убивают по сотне, по несколько сотен... Почему?

Историки мудро замечают, что к этому времени вера в богов у римлян слегка ослабела, и гладиатура как бы отрывается от заупокойного культа. В общем, становится спортом, кровавым, страшным – но спортом, зрелищем, так сказать. Отсюда и знаменитое: «Хлеба и зрелищ!» Мол, добрым римлянам всего то и надо, что бесплатную булку получить и на гладиаторов поглазеть.

А вот я так не думаю. То есть, зрелищем для народа гладиаторские бои действительно стали, но вот относились к гладиаторам совершенно так, как и прежде. Они, конечно, спортсмены, они чемпионы – но все-таки зомби. Шли века, а гладиаторы все еще считались принадлежащими «тому» свету. Стать гладиатором – по-прежнему все равно что в петлю нырнуть, выйти на арену – мертвецом непогребенным стать.

Значит?

А как вы думаете, дорогой читатель, что первым делом запретили императоры-христиане? Правильно, гладиаторские бои. И добрые римляне, теперь уже тоже христиане, не стали спорить, несмотря на всю свою любовь к зрелищам. Не стали, потому что ПОНЯЛИ. Дело не в гуманизме, не в смягчении нравов. Императоры-христиане смертную казнь не отменили, пленных по-прежнему убивали, города со всем населением сжигали. Но вот гладиаторские бои проводить было НЕЛЬЗЯ – как не полагалось христианину приносить жертву Юпитеру или Марсу.

Итак, во времена Спартака гладиатор – по-прежнему мертвец, но жертву приносит уже не отдельная семья, а Римская Республика. И чем больше жертв, тем лучше. Так что для римлян, которые стекались на гладиаторские бои поглазеть, убийство на арене – не просто убийство, а жертвоприношение.

Синезий:

«Крик и Спартак, люди из низких гладиаторов, предназначенным быть на арене цирка ОЧИСТИТЕЛЬНЫМИ ЖЕРТВАМИ за народ римский...»

Очистительные жертвы за весь народ – не шутка! Отсюда и энтузиазм, отсюда и невиданная, чудовищная популярность таких игр. Отсюда и постоянные требования добрых римлян: гладиаторов! гладиаторов! гладиаторов! С одной стороны – зрелище почище корриды, но с другой, так сказать, с темной – жертва «им», дабы «они» в покое нас оставили. Жертва за всех, за весь римский народ. Как не порадоваться, как такой жертвы не потребовать?

Только вот закавыка! Когда гладиаторы у погребального костра какого-нибудь сенатора насмерть резались, все понятно было: умер сенатор, значит, душу его следовало ублажить, а «тем», что невидимо у костра толпились, глаза кровью замазать. А кого, простите, ублажало римское государство да еще в таких масштабах? Кому глаза кровью замазывало?

Не будем спешить, может, и до этого дойдем. Пока же отметим: во времена Спартака гладиатура – государственное дело. Гладиаторов много, они нужны постоянно, а посему их воспитывают в специальных школах. Школ этих много, они есть в самом Риме, есть в Равенне, в Пренесте. И в Помпеях, что недалеко от Капуи, гладиаторская школа имеется. Но та, что в Капуе, школа Лентула Батиата, считается лучшей, можно сказать, образцовой. И вот в этой самой образцовой школе и случился заговор.

А теперь составим заметку в Интернете (ту, в которой про восстание учеников школы боевых искусств) заново, но уже не по нашему, а по-римски. Звучала бы она приблизительно так:

«В городе Капуя (штат Иллинойс) в анатомическом театре местного университета, среди содержащихся там покойников раскрыт заговор. Во главе заговора – некто Джон Спартак, болгарин по происхождению, дезертир американской армии, приговоренный за это к смертной казни и казненный на электрическом стуле в тюрьме Синг-Синг. Большая часть заговорщиков усмирена осиновыми колами, но около семидесяти покойников ушли из города и сейчас пробираются на юг, в болота Миссисипи. По пути они разоружили несколько полицейских патрулей. Все экстрасенсы и заклинатели духов в ближайших штатах подняты по тревоге и призваны в национальную гвардию. Причины и цели заговоры непонятны. По некоторым данным Джон Спартак заявил, „что это лучше, чем валяться на цинковых столах на потеху студентам“. Полиция взяла под охрану все кладбища и морги в стране».

Впечатляет?

Итак, вернемся к тому, с чего начали. Начали же мы с гладиаторской школы, в которой случился заговор.

А какая она была, эта школа? И кто в ней гладиаторскую науку проходил?

13. Школа, милая школа.

Итак, дети в школу собирайтесь! Правда, не дети, и собираться особо не надо – за цепь приволокут...

Повторюсь: гладиаторская школа – тюрьма. А в свете уже сказанного могу предположить, что запиралась эта тюрьма не только пудовыми засовами, но надежными заклинаниями. Но все равно – тюрьма.

Школу Лентула Батиата я вам, дорогой читатель, описать не смогу, ибо от нее ничего не осталась. Но вот соседнюю, что в городе Помпеи функционировала – пожалуйста, во всех подробностях.

А вот и подробности:

Школа двухэтажная, крытая черепицей, кровлю поддерживают дорические колонны. В центре двор (56 на 54 метров), все помещения размещены квадратом вокруг двора. Там и ворота, что на улицу ведут. Помещений же несколько:

– Два зала для тренировок. Археологи нашли там так называемые «визирные» гладиаторские шлемы.

– Кухня, весьма просторная.

– Иные хозяйственные помещения.

– Апартаменты для руководства (на втором этаже).

– Непосредственно тюрьма, где гладиаторов содержали.

О тюрьме чуть подробнее. В ней 71 камера, каждая рассчитана на двоих, все запираются снаружи. То, что камера на двоих – от бедности, обычно в крупных школах были одиночки. Окон нет, камеры небольшие, всего три-четыре квадратных метра. Тесновато – и мрачновато тоже. Некоторые камеры служили карцерами, там найдены цепи и ошейники.

Однако, школа в Помпеях маленькая, в ней менее полутора сот гладиаторов содержалось. А вот школа Лентула Батиата была рассчитана на несколько сот, а то и на всю тысячу. Значит, двор обширнее, кухня просторнее, залов не два, а несколько. И камер побольше.

Как охранялись камеры, точно сказать не могу, но, вероятно, как и в обычной тюрьме – замок на двери, вертухай в коридоре, стража у входа. И у ворот, что в город ведут, тоже стража. Джованьоли своему Спартаку в романе слегка помог – камеры эти проигнорировал. А зря! Из школьного двора в принципе вырваться можно – если толпой собраться, из одиночек же – поди попробуй!

О хозяйственных помещениях можно судить по описанию гладиаторских школ в иных городах. Скажем, в римской школе имелись оружейный склад, морг и кузница. Трудно сказать, был ли свой морг в школе Батиата (может, бедолаг отправляли прямиком в городской), но вот оружейный склад точно имелся. Как и кузница – надо же «браслеты» на гладиаторских руках обновлять!

Что интересно, забора вокруг школы в Помпеях не замечено. Не нужен он – помещения, как говорилось уже, идут вокруг двора глухим квадратом. Если забора в школе Батиата тоже не было, убежать из нее следовало следующим образом:

1. Открыть двери камер.

2. Выйти из тюрьмы для чего открыть или выломать входную дверь, ведущую во двор.

3. Открыть ворота.

4. Если не получится (охраны много!), ворваться в помещение, где есть окна наружу или отдельный выход на улицу.

О наличии окон наружу ничего сказать не могу. Судя по однотипным зданиям, они были только на уровне второго этажа. Невысоко, но окна наверняка с решетками. Тюрьма! А вот

отдельный выход имелся на кухне, дабы продукты прямо с улицы загружать. Там тоже дверь, но дверь – все-таки не ворота, ее и выломать можно.

Аполлинарий Сидоний:

«Цепи влекший Спартак! Сломавши тюремные ДВЕРИ, вывел на бой гладиаторов ты!»

Запомним и это.

Эту милую школу, как уже говорилось, возглавлял ланиста-«палач», в данном случае ее владелец. В данном случае – потому что были школы государственные, а позже императорские, где чиновники верховодили. А вот у Батиата школа частная, он ее создал, он и возглавил. О самом Батиате известно мало, знаем лишь, что его гладиаторы пользовались всеобщей популярностью. И школа была большая. Значит, не беден был хозяин и весьма-весьма требователен. Но глуповат или, скажем мягче, близорук – иначе заговор не проморгал бы. А кроме того, был он, как по мне, изрядной сволочью. Начальник тюрьмы – должность скверная, и торговец людьми – скверная. И людей на убой отправлять – мерзко. А если все сразу, причем не по долгу службы, а сребренников для! В общем, палач – без всяких кавычек.

При ланисте – целый штат. Ясное дело, стража, числом немалая. И преподаватели («учительница первая моя!») – это тоже ясно.

А также:

- Врач с помощниками.
- Массажисты.
- Оружейники.
- Бухгалтер и прочие писаря.
- Персонал кухни (кухня большая, значит, народу много).
- Оружейники и кузнец с подмастерьями.
- Могильщики и работники морга, ежели таковой имелся.

Председателя совета пионерской дружины и комсорга, насколько я понимаю, не предусматривалось.

Очень интересно, из кого сей штат состоял. Ланиста, конечно же, римский гражданин, уважаемый человек. А вот остальные... Вопрос, как мы увидим, весьма важный. Вполне вероятно, что основной штат состоял из рабов того же Лентула Батиата, а также из отпущенников, то есть рабов, но бывших. Однако могли быть и вольнонаемные из горожан, особенно там, где работа требовала покидать школу, скажем, продукты для кухни покупать. Логика простая: раб может убежать, а вольному бежать незачем, да и в городе он ориентируется получше, и на рынке его не обманут.

Режим прост и суров: утром гладиаторов из камер выводят, вечером в этих же камерах запирают. Ежели что не так – карцер с цепями. В город гладиаторов самих не отпускают, никаких тебе «идет солдат по городу, по незнакомой улице». Выпускают в город вольных – отпущенников и наемных работников из горожан. Уверен, выпускают врача и его помощников – за лекарствами. Наверняка и кое-кого из кухни, а также из числа писарей. Тоже понятно, зачем.

Повторюсь: гладиаторы покидают школу исключительно под стражей, причем только на соревнования или когда их в другую школу переводят.

В общем, тюрьма и есть. Но как и в каждой тюрьме, в гладиаторской школе возможны ПОСЕЩЕНИЯ, то есть, приход гостей из города. Зачем и когда – в свой черед, пока же запомним и это.

Еще подробности. Кормили (в отличие от обычных тюрем) очень хорошо. Отменно кормили! Существовали даже специальные научно разработанные рационы для гладиаторов. Основа их питания – блюда из ячменя, ибо считалось что ячмень быстрее наращивает мускулатуру.

И лечили прекрасно. Скажем, лекарем в подобной школе служил величайший римский врач Гален. Тут тоже была своя методика, например, после тренировок гладиаторам обязательно давали напиток из щелочной золы (бр-р-р!) для быстрейшего заживления ран.

Дорогой читатель, не желаете попробовать?

Причины подобной заботы вполне понятны и в объяснениях не нуждаются. Запомним, однако, что в результате этого гладиаторы были как правило постоянно сыты, здоровы – и, само собой, в хорошей боевой форме.

А для этого приходилось тренироваться. Вот о тренировках гладиаторских ничего особенного сказать не могу – не спец я по историческому фехтованию, а посему желающие могут изучить вопрос сами. Знаю лишь, что было там почти все, как у нас – и учебное оружие, и оружие защитное (те же «визирные» шлемы), и тренажеры, чтобы «качаться», и чучела, дабы колоть. Чему учили – тоже ясно, хотя здесь нюансы имелись. Гладиаторских корпораций было много, значит, ретиария учили так, а андабата – этак. Но о ретиариях с андабатами после, пока же констатируем: тренировали от души, согласно великой формуле «Не можешь – научим, а не хочешь...» Для того, кстати, и карцер с цепями. Уверен, даже полный пацифист, что в жизни собаку ногой не пнул, после года таких тренировок становился профессионалом, а точнее – профессиональным убийцей. Если не погибал, конечно – или с ума не сходил.

Вот так и жили.

А как же, так сказать, неформальное общение с противоположным полом? Ведь все-таки здоровые мужики! И это допускалось – для пушного поднятия духа. Чаще всего, как в американском фильме «Спартак» девиц («волчиц» – по-римски) приводили прямо к клиентам, в казарму. Возможны были и другие варианты, но в любом случае все сие происходило ВНУТРИ школы.

О девицах я, дорогой читатель, не для мысленного смакования подобных сцен сообщаю. Да вы уже, вероятно, догадались – это я все возможные контакты с внешним миром нащупываю. Авось, и пригодится!

Остальное понятно. Весь день тренировки, тренировки, тренировки, в перерывах – жратва от пуза. Вечером, как стемнеет – по камерам. Клац засов, и спи до рассвета. А с рассветом все сначала.

Девицы – иногда. И пирушки совместные – иногда.

А ежели на арену, ежели резаться предстоит, то распорядок иной. Выезжают заранее, за несколько дней (акклиматизация!). При цирке – своя тюрьма и свой тренировочный зал. Затем – резня. Кто выжил – домой, то есть, в обратную тюрьму. И все то же – по новой.

Такая вот школа, дорогой читатель. Что тут еще добавить можно? Да ничего хорошего, признаться. Тюрьма, пусть даже с отменной кормежкой – она тюрьма и есть, в такой тюрьме, как и во всякой иной, легко можно озвереть. Когда вокруг одно и то же – месяц, год, три года. Все те же колонны дорические, все те же рожи вертухаевы, все та же каша ячменная. Но сил для озверения мало, потому как каждый вечер падаешь в камере без сил и без задних ног. И поговорить с корешами почти невозможно – камеры одиночные, а на тренировках следят, не поболтаешь. Разве что за обедом или когда стражник отвернется.

А вот выезд на «соревнования», то есть на арену, от такой жизни может праздником показаться. Страшненьким таким, но праздником. Людей посмотреть, себя показать. Напоследок.

А уж месяц-другой на свободе погулять!..

14. Личный состав.

Как же в эту школу проклятую попадали? Точнее – кто именно попадал? В принципе кто угодно, но главным образом, конечно же, рабы. Об этом мы знаем, но вот кто конкретно? За какие грехи?

За грехи и попадали – хозяева продавали провинившихся рабов в гладиаторы. Вместо того, чтобы розгами насмерть засечь или на крест отправить, господин сбывал такого раба ланисте.

Это способ первый.

Попадали и преступники – не из рабов преступники, а из свободных: разбойники, пираты, просто убийцы. Таких в школу отправляли по суду, даже формула приговора особая имела: «К мечу». Правда, во времена Спартака их было еще немного.

Это, стало быть, способ второй.

Попадали и военнопленные. Эти считались потолковее прочих, потому что уже умели драться. Но и опаснее, ибо были они врагами не только ланисте, но и всему Риму. Впрочем, на это тоже расчет делался: пусть враги друг друга сами убивают.

Это способ третий.

Были рабы, а были и бывшие рабы. Освободился, скажем, гладиатор из рабства. Освободился – а куда идти? Резаться он умеет, но с таким талантом на свободе опасно. И шарахаются от него, словно от чумного – гладиатор ведь! Вот и шли бывшие рабы, так сказать, на контракт. Такие весьма ценились. Еще бы! Ведь не по принуждению режутся, а от души. Причем, как было замечено, режутся куда яростнее, чем рабы.

Это способ четвертый.

И, наконец, были просто свободные, которые в гладиаторы сами записывались, а точнее, продавались. Таких ценили особенно – и особенно презирали. Почему – тоже понятно.

Это способ пятый и последний.

Попозже, уже при Империи, в гладиаторы можно было попасть и другими путями, но ни Спартак, ни его товарищи до тех времен не дожили.

И вот привозят в школу будущего гладиатора. Как и полагается – в цепях, в ошейнике. Привозят, в тренировочный зал вталкивают... А что если он драться не захочет? И в самом деле! Не все люди кровожадны, не все согласны свою смерть чужой отдавать. Ведь все равно – крышка, все равно ты уже «там»! Так чего тянуть? Лучше на месте убивайте!

Убивали, причем не так и редко. Например, некий квестор Бальба хотел заставить драться на арене Фадия, римского гражданина. Тот – ни в какую. Тогда этого Фадия сожгли живьем прямо в гладиаторской школе – чтобы другим неповадно было.

А зачем вы думаете, нужен школе морг?

Итак, будущие гладиаторы проходили отбор, но не естественный, а наоборот – противоестественный. Не хочешь своих же собратьев резать – умрешь. Не хочешь на арене позориться – умрешь. Не хочешь жить в тюрьме, ячменную баланду хлебать – умрешь. И не просто умрешь, а, так сказать, агитационно, всем прочим на страх.

Но даже если ты на все согласился, это еще не гарантия долгой жизни. Гибли на тренировках, гибли от болезней, с ума сходили... Дорогой читатель, прикиньте, кто именно выживал? Правильно, выживали волки. Зверье выживало, те, у кого в душе пусто, кто ради лишней порции похлебки способен друга зарезать. Да и какие друзья на арене! Сегодня ты, завтра я...

Выживали и другие – те, что, зубы сцепив, своего часа ждали. Или надеялись законным путем на свободу выйти – или из школы проклятой по костям надзирателей вырваться. Но в любом случае, выживали самые сильные. А потом, когда бои на арене начинались, отбор этот в

каждом сражении проходил. И уж если гладиатор первые свои бои выиграл, если жив остался, то можете быть уверены: это уже не волк – тигр. Точнее – тигр-каннибал.

А у тигров – и жизнь тигриная. Выжившие начинали привыкать. И не просто привыкать – начинали они собой ГОРДИТЬСЯ.

Удивительного в этом ничего нет. Вспомните «закон» воровской. Казалось бы, чем хвастаться, ежели нары за убийство или разбой просиживаешь? А ведь гордятся, этика корпоративная складывается, иерархия целая. Чем больше срок у тебя – тем к тебе и уважения больше, чем ты сильнее и беспощаднее – тем дальше твой место от «параши».

Этика гладиаторская мало чем от «закона» отличалась, разве что еще более нечеловеческой была. Ведь зэкам нынешним не требуется по крайней друг друга перед публикой насмерть убивать.

Итак, выжившие менялись. Появлялось особенное гладиаторское сознание. Суть его понятна: гладиатор уже «там», и пути обратного «оттуда» нет, но физически-то он еще «здесь»! И не просто «здесь», он сильный, он страшный, он популярный, его ценят!

Вот мы и подошли к иной стороне тюремной жизни. Про пирушки всякие я не зря намекнул. Хороших гладиаторов, которые школу прославляли, начальство старалось всячески поощрять. Но была еще Ее Величество Публика, та, что на трибунах ревела и об заклад на гладиаторскую кровь билась. А публика – везде публика. Цветы, аплодисменты, автографы...

Про автографы я не шучу. Брели у гладиаторов автографы! Вот фотографий совместных не было – не изобрели еще. Но автографы еще что! Перед каждым боем в гладиаторской казарме банкет закатывали. Чем бойцы популярнее, тем банкет пышнее. И сбегались на тот банкет все почитатели-болельщики, и болельщицы тоже сбегались. Смаковать не стану, но случаев, когда почтенные матроны на таких пирах оказывались, тьма. Начинался пир за столом, а заканчивался где придется. Так что зря суровые критики Джованьоли ругали за образ Валерии. Помните? Вдова Суллы положила глаз на Спартака-чемпиона? Читал я еще в детстве в предисловии к роману, что, мол, надумано все это. А вот и не надумано! Таких Валерий в Риме было – не счесть. И любили гладиаторов, и страдали по ним, даже стихи писали. Тут ведь особая пряность имелась – сегодня я с моим Спартаком пирую, а завтра ему на арену...

Как по мне, почти некрофилия. Впрочем, кому что по душе.

...Школа гладиаторская в Помпеях, о которой речь была, вместе со всем городом погибла в тот самый Последний День. Гладиаторы тоже погибли – нашли археологи среди руин школы шестьдесят два мужских скелета. Шестьдесят два мужских – и один женский. Причем не «волчица» какая-то, дама, в украшениях дорогих и одета соответственно. В общем, погуляла напоследок...

А посему гладиатор, особенно гладиатор из удачливых, не чувствовал себя «просто» рабом или «просто» смертником. Он, удачливый, себя уважал, себя ценил, ремесло свое смертное тоже ценить начинал – и даже выше прочих себя ставил. Вот я, де, настоящий мужчина, уже двадцать врагов на арене убил, ко мне, сильному да страшному, матроны римские перед каждым боем на свиданку ходят. И не поменяю я свое ремесло гладиаторское ни на что иное. Да и в самом деле, что делать, ежели с арены отпустят? Жернов мельничный крутить-вращать? И даже ежели свобода – куда податься? В ночные сторожа? А что завтра убить могут, так все мы «там» будем, все лучше, чем от водки и от простуд. Могут убить, а могут и не убить, авось, еще год протяну. Или пять, или даже десять. Так что снова живем, день – но мой. Зато какой день!

Потому и не боялись римские политики гладиаторов в охрану брать. Конечно, брали не всяких, а с разбором, какие понадежнее. И не ошибались – не предавали гладиаторы, уважали они, смертники, свое ремесло.

Понять такое трудно, но все-таки можно. Корпорация! А у всякой корпорации законы сходные. Вспомним еще раз: «Когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения...» Так это

для свободного римлянина гладиаторы почтения не заслуживали, а сами они свое ремесло почитали. Памятники погибшим ставили, а на каждом таком памятнике число побед обозначено было. И стихи-эпитафии сочиняли. Хозяева же эту корпоративность, эту гордость профессиональную всячески в гладиаторах поддерживали. И тоже понятно, почему. Я ведь памятники надгробные не зря помянул. Разрешалось гладиаторам свой «общак» иметь – именно на подобный случай. Жил ты как волк, а похоронят как человека, и камень над могилой на вечную память поставят, не забудут.

Все это я к тому, что гладиаторы, особенно в своем ремесле поднаторевшие – нечто совсем иное, чем, скажем, рабы на винограднике или домашняя обслуга, что господ тайком объедает. Это народ сильный, в себе уверенный, жестокий. Не очень дружный, но спаянный смертной спайкой.

И опасный, очень опасный! Потому и камеры, потому и стража у ворот. Гладиаторы бунтуют редко, восстают еще реже, но вдруг? Ведь мало не покажется!

И не показалось, как мы знаем. Одни пять Орлов чего стоят!

Но даже если бунтовать не станут, а просто в город, в «самоволку» убегут, а там по пьяному делу драку затеют? Ведь драться-то обучены! Кто отвечать будет за шеи свернутые и руки-ноги оторванные? Правильно – хозяин, Лентул Батиат. Поэтому двери – покрепче, а замки понадежнее.

Дорогой читатель! Долго я думал, с чем жизнь гладиаторскую сравнить. Сравнение – великое дело, хоть и некорректное порой. И, знаете, сообразил. В детстве я очень роман Джованьоли любил – тот самый, про Спартака. И другой роман мне очень нравился – Артура Конан Дойля. Но не про сыскаря великого, не про мистера Шерлока Холмса, а тот, который про боксеров – «Родни Стоун». Помните, наверно? Век XIX, самое-самое начало, адмирал Нельсон еще только под Трафальгар собирается, а в Англии народ по боксерам с ума сходит. Профессиональный бокс – дело жестокое, боксер боксеру вроде как волк. Но держатся боксеры вместе, пьют вместе, гуляют тоже. И относятся к другу уважительно. Вот она, корпорация! А помните, как к боксерам, что пирушку в каком-то сарае старом устроили, всякие лорды в гости заглядывали? Они, лорды эти, боксеров и за людей не считали, потому как позорное дело – друг друга по мордасам за фунты-стерлинги лупцевать. Но в гости ходили, и эль на стол ставили, и за здоровье пили. А боксеры все понимали, но ремеслом своим гордились, к лордам же относились этак снисходительно...

Таковыми были они, гладиаторы. Но это, так сказать, вообще, а школе Лентула Батиата кто собрался? Почему в других школах заговора не было, а в этой случился?

Плутарх:

«У некоего Лентула Батиата была в Капуе школа гладиаторов, из которых большинство были галлы и фракийцы, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие несправедливости купившего их господина. Они были заключены здесь и предназначены для гладиаторских боев».

Джованьоли считал, если помните, что в школе Батиата содержались военнопленные галлы и фракийцы. Пленные эти, ясное дело, Рим не любили, умирать на потеху римской толпе не хотели, вот и решили бежать. И не просто бежать, а против Рима войну начать.

Убедительно? Как по мне, не совсем.

Вот, например, Гай Ганник, будущий командир одного из отрядов спартаковцев. Настоящее имя его, как уже говорилось, Канникас или Канникий, он галл из племени инсубров. Но инсубры – это Цизальпинская Галлия, старая римская провинция. Провинция конечно же с Римом не воюет, ею правит римский наместник, там стоят римские войска. На какой войне мог попасть в плен Гай Ганник?

Или, допустим, Крикс... Впрочем, про Крикса отдельно – и подробнее. Сначала перечитаем еще раз Плутарха:

«...Большинство были ГАЛЛЫ и ФРАКИЙЦЫ, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ купившего их господина».

Читатель, вы не видите тут ничего странного?

А как по мне, странновато, что в школе сложились два таких «этнических большинства». В эти годы Рим во Фракии воевал, а вот в Галлии – нет. Откуда же толпы рабов-галлов? Из римских провинций, из Галлии Цизальпинской и Галлии Нарбонской? Но ведь галлы из Галлии Цизальпинской, как и Гай Ганник, римские граждане, а граждане могли стать рабами в исключительных случаях. Из Нарбонской? В принципе возможно, но ведь там тоже – ни войны, ни бунта. Между тем именно в эти годы очень много рабов в Рим привозили с Востока, особенно из Малой Азии. Этих-то почему не видно и не слышно? В гладиаторы не брали?

Ладно, пусть не брали. Дурного поведения были, видать. Но что значит «вследствие несправедливости купившего их господина»? Купивший их господин – Лентул Батиат. Но в чем несправедливость? Не хотели в гладиаторы идти, а их заставили? Так ведь они рабы, а раб согласно римскому закону, это, извините, «говорящее орудие». Посадят на цепь у дверей вместо собаки – лай! Будут на тебя опираться сапогом вместо скамейки – терпи! Можно говорить о хозяйской жестокости, о самодурстве, о людоедстве даже – но не о несправедливости. Закон – есть закон, а если по латыни – «*dura lex sed lex*».

Может, с переводом что-то не так? Ладно, возьмем другой перевод:

«Некий Лентул Батиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы. Попали эти люди в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов».

Ага, вроде понятнее! Жили-были хорошие и смирные рабы, но жестокий Батиат их купил и насильно гладиаторскому ремеслу учиться заставил. А они, хорошие и смирные, от возмущения пол-Италии сожгли и вырезали.

Я не смеюсь, читатель, просто показываю, как иногда всего несколько слов много весить могут. Отрывок этот я и сам перевел, посему сказать могу, что первый перевод правильный. Второй более гладкий, но от истины дальше.

Тогда в чем несправедливость? А несправедливость могла быть в том и только в том, что будущих гладиаторов продали в рабство НЕЗАКОННО. То есть, они юридически вольные, но кто-то подлость совершил, цепями их сковал и на рабский рынок отправил. Они, бедняги, кричат, что свободны, что права все имеют, что домой хотят – а их плетью по физиономии.

Такое бывало, хотя и достаточно редко, но вспомним еще раз, что Плутарх пишет:

«ДВЕСТИ ЧЕЛОВЕК из них сговорились бежать».

Двести незаконно проданных в рабство в одной гладиаторской школе? Двести римских граждан? А ведь за незаконное обращение в рабство, за беспредел подобный ой-ой-ой что полагалось. А тут – целых двести!

А теперь припомним Саллюстия:

«Немногие благоразумные одобряли и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные...»

Так кто такие эти самые, «прославленные»? Те, что на арене своих же собратьев резали? Так ведь Саллюстий пишет: «свободные духом». Интересно, правда?

Если же Плутарху и Саллюстию все же поверить, то получается, что в школе Лентула Батиата содержалось двести человек, незаконно проданных в рабство. В их числе были люди свободные духом и прославленные. Среди них и возник заговор.

Но позвольте, ведь среди заговорщиков много фракийцев. И сам Спартак вроде бы фракиец. Фракия же в состав Римской Республики пока еще не входит, война там. Значит, фракийцы-гладиаторы – из военнопленных, а обращение военнопленных в рабство в любом случае ЗАКОННО!

Ребус этот разгадать можно. Вспомним, что Плутарх жил через полтора века после Спартака, причем в Греции, латинский язык знал плохо, Рим изучал по книжкам, впервые приехал в Италию уже пожилым человеком. Значит, все римские реалии он брал из вторых рук или даже из третьих. Брал – и порою не мог разобраться. И тут не разобрался. Что-то прочитал, попытался осмыслить – и получил два землячества, фракийское и галльское, а вдобавок и двести человек, несправедливо проданных в рабство.

А что на самом деле случилось? Вспомним, что фракийцы в войске Спартака были странными, и галлы странными...

С этого и начнем.

15. «На той войне незнаменитой...»

Дорогой читатель! Не стану томить вас больше загадками, тем более, и загадок-то никаких тут нет. Если бы и все остальное было так просто!

Знаете ли вы, читатель, спортивный клуб «Спартак»? Да-да, тот самый, в честь Спартака названный. А клуб «Динамо»? Смешной вопрос, правда?

А теперь вспомним. Спортивных клубов много, но «Спартак» и «Динамо» – самые крупные. В каждом клубе несколько команд – есть «Спартак» московский, есть ставропольский, есть какой-то еще. И с командами «Динамо» такая же история – есть «Динамо» московское, а есть и киевское. Более того, на каждом крупном стадионе всегда найдется большая группа болельщиков соответствующего клуба. Болельщики свистят, кричат, а порою безобразничают и даже дерутся друг с другом. В недавние времена чуть ли не основная интрига каждого чемпионата состояла в том, кто именно победит – «Спартак» или «Динамо».

Вспомнили?

Так вот, гладиаторы тоже делились на клубы. Сами римляне называли такие клубы корпорациями. Отличие такой корпорации от современного спортивного клуба в том, что оружие гладиаторам полагалось разное. Скажем, у ретиария (первая глава «Спартака» Джованьоли, не забыли?) трезубец с сетью, а у его противника меч со щитом. А в остальном очень даже похоже – тренировались по корпорациям, и выпивали так же, и «общак» у каждой корпорации отдельный. В общем, тут свои, а все прочие – чужие. И с болельщиками та же история, они вокруг арены, как и в наши дни на стадионе, четко по интересам рассаживались. И дрались абсолютно сходно, и стража точно так же их разнимала, а власти издавали эдикты, оные беспорядки осуждавшие.

Главных гладиаторских корпораций было две, их римляне позаимствовали у этрусков – вместе с гладиатурой. И пока гладиаторы существовали, эти корпорации оставались основными. За всех прочих тоже, конечно, болели, но не так. И места в цирке всегда делились пополам: за тех, и за этих, прочие же болельщики должны были в сторонке тесниться. Да и не только в цирке. Болельщики толпами по улицам бродили, шумели, права качали. А уж если на их стороне был кто-то значительный, сенатор, скажем, или даже консул!..

Все как у нас, правда? Только наши клубы известно как называются, а вот у римлян... Догадались? Одна корпорация именовалась «галлы», а вторая... Совершенно верно, «фракийцы».

Этруски придумали такое, потому что с галлами и фракийцами неоднократно воевали. Посему и гладиаторы, что из пленных набирались, такие названия получили. И не только названия, оружие и снаряжение тоже. Первоначально «галлы» из настоящих галлов формировались, а «фракийцы» из фракийцев. Режутся меж собою «галлы» с «фракийцами», а у этрусков их души этрусские прямо-таки млеют. Как не порадоваться, ежели враги лютые прямо у тебя на глазах друг друга контрапупят!

Римляне все это в наследство взяли, взяли – и приумножили. «Галлы» с «фракийцами» остались, но врагов много, и вот в придачу появились «самниты». Настоящие самниты римлянам, можно сказать, кровники, те с ними подряд три войны вели, а потом еще несколько раз сражались – с весьма переменным успехом. Как же подобную «команду» не создать!

Остальные корпорации помельче. Много их было, всех этих ретиариев с андабатами, но народ, как и прежде, все больше за «галлов» с «фракийцами» болел. Правда, I век до Р.Х. – не времена этрусские, в «галлы» стали зачислять не только галлов, и во «фракийцы» – не одних фракийцев. Да только для публики разницы не было, ведь и сейчас игроки в футбольную команду не только из родной ДЮСШ попадают. Переманили, перекупили – так ли важно?

Форму надел, майку с надписью, и вперед, штурмуй ворота! Так и гладиаторов покупали. И на контракт сманивали, ежели, допустим не раб, а вольноотпущенник.

Так что перечитаем Плутарха заново:

«У некоего Лентула Батиата была в Капуе школа гладиаторов, из которых большинство были „галлы“ и „фракийцы“, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие несправедливости купившего их господина. Они были заключены здесь и предназначены для гладиаторских боев».

Все логично! В гладиаторской школе Батиата готовили главным образом «галлов» и «фракийцев», потому как они были самыми популярными. А из кого эти «галлы» с «фракийцами» набирались, из негров или, допустим, испанцев, никого уже не волновало. Впрочем, могло быть и наоборот – галл становился «галлом», фракиец «фракийцем». Кто знает, вдруг в этом был особый шик?

Орозий:

«Под начальством галлов Крикса и Эномая и фракийца Спартака...»

Переведем:

«Под начальством „галлов“ Крикса и Эномая и „фракийца“ Спартака...»

Что поделаешь? Не знали эти древние, что такое кавычки!

Итак, с «галлами» и «фракийцами» все просто решается, а вот почему «несправедливость», следует подумать. Ведь не сам Плутарх это измыслил. Жил Плутарх много позже, о Спартаке только в книжках читал. Вот и вычитал. А мы удивляться не станем, ведь Саллюстий тоже нам рассказывает про «свободных духом» да еще «прославленных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.